

ЗВУКИ И ЗНАКИ

<http://unism.pjwb.org>

<http://unism.pjwb.net>

<http://unism.narod.ru>

Изменение системы письма — это не просто замена одних графических элементов на другие. Это иной способ языковой рефлексии. Овнешняя язык в письменности, люди начинают сознательно его конструировать. И дальнейшее развитие языка существенно от этого зависит. Письменность влияет на все стороны языка: произношение, словообразование, грамматический строй... Художники используют внутреннюю логику и внешний облик письменности для поиска новой выразительности. Ученые на этой основе предпочитают те или иные способы образования понятий. Философы определенным образом выстраивают категориальные схемы. А отсюда характерные черты эстетики, логики, этики. В конечном итоге письменность влияет и на способы деятельности, приспособливает их к формам языкового опосредования.

Поэтому всякий проект по введению латиницы для русского (и любого другого) языка правильно было бы предварить некоей деятельностью по осмыслению нормативных основ письменности как таковой — поучиться на опыте предшественников.

Попытки перевести русский язык на латиницу предпринимались давно и неоднократно. Мысль эта ничего крамольного сама по себе не представляет — живут же европейские славяне с латиницей, и как-то обходятся.¹ Хотя и не без извращений в виде пестрой диакритики и особых буквосочетаний. Вопрос тут лишь один: а зачем оно надо? Нет, не то чтобы нельзя было найти весомых аргументов в пользу — как раз наоборот, доводов хоть отбавляй. Просто от того, какова наша благородная цель, существенно зависит, каким именно образом следует русский язык к иностранным буквам приучать. Ибо всем совершенно ясно, что способов тут — воз и маленькая тележка. Не хочется ваять письменность от фонаря.

Разумеется, речь не идет о простой транслитерации — например, ради приобщения к русской словесности пугливых европейцев и наглых американцев (включая созданные ими компьютерные миры). В этом деле, отметим, тоже бездна возможностей, и каждый день приносит все новые неожиданные переодевания хорошо знакомых слов. Вроде бы, даже стандарты утверждены, — но их как-то чересчур много, и предпочесть один другому никаких причин; а потому никто на них серьезно не смотрит, продолжая творить по наитию.

Объективные основания тому — в той же фонологической мотивации. Практически вся деятельность по латинизации русского языка (включая, конечно же, транслитерацию) проникнута стремлением соблюсти звуковую основу, чтобы читать это могли не только свои люди, но и очень даже нерусские (а может быть, и не люди). И мы тут же вляпываемся в логический конфуз. Ибо никакая письменность с фонологией напрямую не связана, и все параллели тут носят исключительно исторический, или даже доисторический характер. Письменность любого языка лишь приблизительно отражает звучание живой речи — и то не всегда. Да ей это, по большому счету, и не нужно. Само возникновение письменности связано с абстрагированием от живого звучания, с переходом от экспрессивности к содержательности, с отказом от магии звучащего слова. Параллельный процесс — редукция разговорного языка, отказ от «буквального» воспроизведения каждого слова ради придания речи выразительной целостности. Психолингвистический эксперимент показывает, что смысл текста носителями языка воспринимается даже при значительных искажениях в записи; точно так же, смысл речи понятен даже при «проглатывании» половины слогов и значительном изменении качества базовых фонем — даже нарочитом и несистематическом. Вредная привычка разговаривать с набитым ртом сохраняется до сих пор отчасти благодаря и этому обстоятельству.

---

¹ А у сербов, например, вообще две письменности: и латиница, и кириллица.

Что получается? Языки, использующие письменность на основе латиницы, очень между собой различны, прежде всего на слух. Латинский алфавит не передает в полной мере даже звучание латинского языка (который, к тому же, в разные эпохи звучал совершенно по-разному). Тем более латинскими буквами не записать толком ни одного современного европейского языка, не говоря уже о восточных — дальних и не очень. Каждый язык выкручивается из положения по-своему. Кто-то упрощает фонологию, эффективно вписывая ее в жесткие рамки латиницы; другие, наоборот, оснащают исходный набор литер устрашающим количеством дополнительных значков и формальных буквосочетаний. И все равно реальное произношение регулярно уплывает от принятой записи; остается только уповать на знание традиций. Потом, когда дело доходит до заимствований — становится совсем нехорошо. Нормы языка-донора не вяжутся с нормами языка-цели, и общность алфавита совершенно не спасает, а кое в чем даже откровенно мешает. Обычный для европейских языков способ заимствования все-таки склоняется к точному копированию формы записи — а читают кто во что горазд. Причем совершенно вразнобой. Одни приобретения звучат почти как в оригинале, другие полностью переозвучиваются на местный манер — плюс мыслимые и немыслимые промежуточные варианты. Понятно, что если в этот хаос влезает нечто, к латинице уже много веков не относящееся, легче жить не станет. Транслитерации так или иначе ориентированы на целевой язык, и моделируют иностранности его средствами. Соответственно, сколько языков — столько транслитераций. Как минимум. Одна и та же русская фамилия в транслитерации может выглядеть очень по-разному. Чем некоторые пройдошистые господа и пользуются, имея несколько паспортов с «разными» фамилиями и ловко увертываясь от придурковатой лапы закона.

Пестрота возможных транслитераций практически начисто закрывает русским этот путь к латинице, если речь идет не о спорадических переодеваниях, а о такой письменности, которая могла бы полностью заменить кириллицу — и стать родной для миллионов русскоговорящих по всему свету. Чтобы человеку не надо было заниматься калькуляцией в уме — а сразу писать по-новому, естественно и непринужденно.

Не факт, что с ходу получится. Простой директивой не обойтись. Конечно, есть пример Турции: уникальный случай, когда начальственная реформа действительно удалась — не только в силу личного гения Ататюрка, но также и по причине почти полной неграмотности населения, из-за чего грандиозная программа всенародного переобучения оказалась по сути лишь каплей в море ликбеза.² Но есть и другие примеры. Например, новокитайские иероглифы, которые сосуществуют с традиционными уже давно — но никак не могут (и вряд ли смогут) их в полной мере вытеснить. Несмотря на то, что формы новых иероглифов взяты не с потолка, что они реально существовали в китайской скорописи — и просто были узаконены (как димотика стала в конце концов единственной формой греческого языка, окончательно вытеснив кафаревусу). Есть страны, где «коммунистические» новшества просто не признают; с другой стороны — тысячелетия богатой и своеобразной литературы, проникнутой единством звука и знака. Вот и выходит, что образованному китайцу все равно приходится учить старые варианты иероглифов, и жить «на два дома» — хотя дело, конечно же, облегчается простотой и однозначностью правил соответствия. У китайцев, правда, есть еще и третья письменность — на основе латиницы. А для русских — еще и четвертая, русскими буквами. Не отстают от них соседи-японцы, где двойное чтение бывших китайских иероглифов соседствует с парочкой фонетических «алфавитов» и стандартом английской транскрипции. По сравнению с этим букетом латинизация русского языка — детские игрушки...

Вот и давайте немного поиграем.

Мы уже поняли, что воспроизводить в письменности фонетику — дело неблагодарное. В конце концов, когда славянскую азбуку придумывали, фонологическими соображениями не заморачивались, и уже имеющиеся системы письма (например, руны) никто не изучал: просто взяли греческий алфавит — и приспособили под библейские тексты, с минимальными видоизменениями (с учетом эволюции письменных принадлежностей). Заодно и политические

² Следует отметить усилившуюся в последние годы тенденцию восстановления в турецкой письменности устаревших элементов, которые когда-то вычистила метла Ататюрка. Политический крен в сторону исламизации общественной жизни проявляется также и в языковой диверсии.

проблемы устроились — поскольку значительная масса славян прочно вписалась в сферу византийской культуры. С другой стороны, совсем абстрактно играть не резон: какая-то поддержка со стороны речевой интуиции все-таки желательна. Если, конечно, мы делаем письменность для русских, а не для бывших соотечественников, которым уже все равно. Поэтому сделать экскурс в фонологию будет небезынтересно.

На одном из сайтов³ встретился проект перевода русского языка на латиницу в соответствии со строгими априорными правилами:

1. Фонетический принцип: 1 буква соответствует 1 фонеме.
2. Буквы и передаваемые ими фонемы должны по возможности соответствовать латинскому языку (классического периода) — учитывая, что русский (древнерусский) язык имеет общее происхождение с латинским языком и большее сходство с ним по сравнению с современными европейскими (романскими и германскими) языками.
3. Расширенные символы по возможности должны быть взяты из языков центральной Европы (где латинский алфавит используется уже как заимствование), их произношение должно быть сходным в языке-источнике и в русском языке, а употребление хорошо понятным.
4. Число букв с двусмысленным произношением должно быть сокращено до минимума.
5. Следует избегать слишком частого применения диакритических знаков.
6. Исключения (нефонетические написания) должны быть сведены к минимуму...

Цель благородная — но совершенно утопическая. Начиная с фонетического принципа. Лингвистическая наука так и не выработала единого мнения насчет количества и качества фонем русского языка — и выработать вряд ли сможет. Поскольку фонетическая система не сводится к простому набору базовых звучаний, она существенно зависит от языковых функций и речевых задач, от культурных особенностей и деятельностного контекста... Это не просто система — это иерархия. И как всякая иерархия, она не только по-разному устроена на разных уровнях — но и допускает любые обращения, перестройку всей совокупности уровней. То, что в одном обращении, вроде бы, недвусмысленно, в другом может выглядеть совершенно иначе; поэтому пункт 4 соблюсти на практике нереально. С другой стороны, отталкиваясь от практической фонологии, пришлось бы прибегать к модификации латинского алфавита (сколь угодно классической эпохи), добавляя все новые символы — как минимум, до полного комплекта символов кириллицы в стандарте уникода. Если уж на то пошло, большинство фонетистов по жизни все равно оказались заморожены письменностью — несмотря на свою крутость и приверженность единой фонетической записи; поэтому имеющиеся схемы русской фонологии больше относятся к письменной речи, а устная учитывается лишь в «нормализованном» произношении.⁴ Частотность фонетических вариантов тоже никто всерьез не измерял — да и нет такого показателя, единого для всех стран и континентов. Каждый диалект распоряжается звуками по-своему. Как тут еще раз не вспомнить братьев-китайцев?

Если мы действительно хотим обойтись минимальным алфавитом, латиницей в «чистом» (то есть, в американском) виде — придется придумать иной принцип, не столь бессмысленно завязанный на фонетику.

Но сначала обратимся к еще одной попытке перехода на латиницу — к работе комиссии по реформе орфографии НКП РСФСР, которая в 1929 году подошла к вопросу очень солидно.⁵ В условиях культурного давления эмигрантской контрреволюции, на фоне активной латинизации восточных языков (и языков Кавказа), учитывая успехи реформ Ататюрка, сохранение кириллицы в советской печати воспринималось как «противоречие между ее интернациональным социалистическим содержанием и национально-буржуазной графической оболочкой», как пропаганда «национал-буржуазной великорусской идеологии». С другой

³ <http://www.slavic.ru/lingua>

⁴ В наш дни компьютеры уже бойко болтают на естественных языках — однако все это в пределах набора стандартных голосов. Каждый такой голос — самостоятельное произведение компьютерного искусства. Но кого из художников считать нормой? Баха или Бетховена? Врубеля или Тициана? Аристофана или Маяковского?

⁵ *Культура и письменность Востока*, кн. 6. — Баку, 1930, с. 208–219.

стороны, латинский алфавит «фактически уже перерос в международную графическую основу», он достаточно знаком грамотному населению РСФСР (которого тогда было всего 55%), он широко используется в типографике — и потому его внедрение не будет связано с существенными трудностями личного и технического порядка. Принципы построения нового алфавита формулировались очень определенно:

1. Использовать без графического изменения возможно большее число букв латинского алфавита, в то же время унифицируясь с международными графическими элементами Востока и Запада.

Мотивировка: унификация с отдельными алфавитами Запада не придаст международного характера НА и вызовет его расхождение с унифицированным новым тюркским алфавитом (НТА), принятым на Советском Востоке, и с алфавитом, принятым в Турции.

2. Не вводить букв русского алфавита, которые были удалены из него (хотя бы частично) при реформе 1917 г., а именно: фита, ять и твердый знак. [...]

3. Число букв в новом алфавите должно быть меньше, чем в теперешнем русском. [...]

4. Всякая буква должна иметь только одно значение. [...]

5. Всякое сочетание звуков должно изображаться одним и тем же способом. [...]

6. Мягкость согласных перед гласными выражается гласными буквами.

Мотивировка: введение в алфавит особых букв для мягких согласных оказалось практически неосуществимым, т. к. значительно увеличило бы число букв в алфавите (на 8), что неприемлемо для полиграфии, машинописи, телеграфирования и пр. и затруднит запоминание алфавита.

7. Не вводить сочетаний букв для изображения одного звука.

Мотивировка: выражение отдельных звуков двойными, тройными и даже четверными буквами (ср. немецкую и польскую графику) удорожает полиграфическую продукцию, увеличивает рабочую нагрузку при письме и чтении и затрудняет процесс обучения грамоте.

8. Свести к минимуму диакритические знаки, отдельные от корпуса буквы.

Мотивировка: отдельные от корпуса буквы знаки требуют отрыва руки при письме, а в прописных буквах — обламываются при печати.

Как мы видим, в основе не просто фонетический принцип, но еще и принцип графической целесообразности (простота графики и легкость чтения), соображения технологического порядка (в наши дни уже не столь актуальные) — и, конечно же, стремление к объединению на основе новой письменности передовых революционных сил.

Комиссия предложила три варианта латиницы (30 букв — с расширением латинской графики на 6 символов). Часть букв кириллицы в новом алфавите предлагалось изображать буквосочетаниями. До практического внедрения, впрочем, дело так и не дошло.

Чего в этом компоте не хватает?

Не хватает, собственно, русского языка. Предполагается, что письменность только *изображает* речь — а сама по себе ничего не выражает. Что это не так, можно легко видеть на примере столь распространенных в быту указателей и маркировок. Стрелка влево, буквы «WC», цветовой код электропроводки и кабелей Ethernet, логотипы и клейма... В науке есть ряд символов, которые не просто обозначают абстрактные или реальные объекты, а еще и задают рамки обсуждения, фиксируют парадигмы. Арабский язык изобилует лигатурами религиозного содержания — аналогичное явление распространено и в церковнославянской письменности. В китайском и японском языках некоторые иероглифы специально приспособлены для передачи определенных *культурных реалий*, а не просто звуков, слов или фраз. Конечно, вопрос об отношении подобных расширений письменности к языку — требует особого рассмотрения, и здесь возможны разные интерпретации. Можно, например, полагать, что письменность как иерархия знаков — шире языка, что она охватывает также знаковую деятельность неязыкового порядка. Но можно, наоборот, считать это областью языка, далеко выходящей за рамки фонологии. Точно так же, одинаково допустимо трактовать символические системы как коммуникативную деятельность, дополнительную к собственно речевому общению, — или, напротив, объявить их особым уровнем речи. Все это обращения одной иерархии, и выбор того

или иного подхода определяется не его собственными достоинствами, а задачами конкретного исследования.

Традиционно, изобретение письменности сводится к введению некоторого алфавита — то есть, по сути, к выбору *кодировки*. В этом плане можно, например, призвать все языки перейти на двоичный код и записывать любые тексты при помощи всего двух символов: «0» и «1». Упрощение технологий при этом достигается совершенно фантастическое. Если человеку такой текст покажется длинноватым — на здоровье, вводите стандартные сокращения, вроде шестнадцатеричных цифр для записи того же двоичного кода. В этом случае алфавит будет состоять из 16 знаков — значительно меньше, чем в любом естественном языке. Правда, как показывает компьютерный опыт, встает проблема работы с битовыми полями, которые в шестнадцатеричной кодировке придется выражать более громоздкими способами. В последнее время повсеместно внедрены одномерные и двумерные штрих-коды, которые значительно упрощают ввод данных в электронные устройства — но человеческому восприятию (пока) совершенно недоступны. Конечно, человек тоже умеет кое-что, машинам (пока) непонятное: например, воспринимать общие идеи по целостной картинке (гештальту). Но это все же не выводит нас за рамки теории кодирования.

А в жизни есть факт: ни один язык не обходится только алфавитом, всегда возникают, с одной стороны, его расширения, призванные выразить невербальные компоненты деятельности и общения (например, система пунктуации), — а с другой стороны, способы записи никогда не соответствуют фонетической системе языка, они определяются и другими его компонентами, контекстом, а также, в значительной мере, общекультурными обстоятельствами. Вот отсюда и следует начинать буквотворчество: с осознания того, какие именно аспекты языка мы хотим на письме непосредственно отобразить.

Казалось бы — что мешает нам ограничиться чисто фонетической записью? В этом случае мы всегда сможем записать любую речь так, как она звучит, а с грамматикой и семантикой пусть потом разбираются другие... На деле такой подход тут же наталкивается на неразрешимые противоречия. Даже если оставить пока в стороне соображения о том, что язык — не только речь, и не всегда речь.

Откуда мы знаем, как, собственно, речь звучит? Единственный относительно достоверный способ фиксации — это аналоговая фонограмма. И то лишь в абстракции от неизбежных искажений при переходе от одного материального носителя к другому как в процессе записи, так и при воспроизведении. Представить непрерывный процесс в виде последовательности знаков из какого угодно дискретного набора — задача принципиально неоднозначная, ибо требуется не только определиться с тем, на какие дискретные элементы мы разбиваем целостное звучание, но также и с приемлемым уровнем соответствия реальных звуков эталонным («нормализованным») звучаниям, — да еще и решить, как поступать с произношением, которое нашим нормативам не соответствует. При этом выделение базовых элементов — прерогатива грамматики и семантики, а трактовка отклонений — чисто культурное решение.

Например, традиционно фонемы определяются, исходя из принципа: при замене одной фонемы на другую меняется смысл слова.⁶ Но это уже предполагает, что элементами речи мы считаем именно слова, а не какие-то еще единицы. Возможность же представления речи в виде последовательности слов теснейшим образом связана с грамматической основой языка. Более того, грамматика иной раз ничего не может сказать, по какому праву мы объявляем вот это — словом, вон то — морфемой, а еще что-нибудь — фразой или предложением; в этом случае приходится назначать роли административным декретом, а это уже выход за пределы языка в сферу культурно-историческую. Такие правила могут несколько раз измениться на протяжении одной человеческой жизни.

Обратное влияние звучания речи на грамматику связано, в основном, не с фонологией, а с интонационным строем. Если некоторая звуковая последовательность в бытовой эмфатической речи может выделяться интонацией — она относится к разряду самостоятельных слов; все, что

⁶ На практике принцип соблюдается далеко не всегда. Например: «растащить» и «розтащить», «кишка» и «кижка», «вообще» и «ващще», «зверушка» и «зверюшка» (или даже «зверяшка»). Если же расширить контекст со слова на фразу — это правило практически полностью обесмысливается.

внутри этой целостности, — морфемы. Понятно, что такое разграничение весьма относительно, ибо все определяется намерениями говорящего (или пишущего). Точно так же, части предложения выделяются в зависимости от расстановки акцентов и пауз — а все, что не вписывается в грамматическую схему, в зависимости от культурного контекста квалифицируют как ошибку — или творческую вольность. Во многих языках правила пунктуации жестко регламентированы, и отклонения от стандарта, мягко выражаясь, не приветствуются. Напротив, в русском языке авторские знаки — это особая песня; сознательная их расстановка позволяет передавать на письме тонкие особенности речи, а через них — свойства речевой ситуации, выходящие за рамки языка.

В идеале, хотелось бы иметь систему письма, которая не требует жесткой регламентации формы структурообразующих элементов и допускает представление каждой грамматической функции классом одинаково допустимых форм, при необходимости заменяя одну другой. Во многом подобные идеи отвечают духу так называемой функциональной грамматики, которая не раз, и весьма убедительно, демонстрировала, что одно и то же можно выразить в языке совершенно по-разному. С точки зрения письменности это означает устранение формальной орфографии, жесткой нормативности: каждый вправе свободно использовать любой способ (квази)фонематической записи или иные графические (а потом и не только графические) элементы для представления одних и тех же языковых структур. Собственно, так оно и происходит на практике. Первичны вульгарные формы: массовая безграмотность населения порождает сколь угодно дикие графические варианты, которые в наши дни выставлены на всеобщее обозрение в Сети; в качестве юмористической реакции — возникают популярные пародии (*аффтар жжсет, выпей йаду*). Смесь русских и латинских букв в названиях и заголовках когда-то была оригинальным рекламным трюком; сейчас это стало привычной банальностью — и никто на такие вещи уже не обращает внимания. Поскольку подобная «ненормативная» письменность давно проникла на вполне официальные сайты и даже в юридические документы, мы, возможно, еще увидим зарю орфографической революции, отменяющей любые ограничения в системе письма.

На этом фоне заниматься придумыванием русскоязычной латиницы — как-то, вроде бы, уже и неуместно... Единственным оправданием этому занятию может служить стремление уяснить себе какие-то общелингвистические идеи — в их конкретно русском проявлении. Ладно, будем скромно полагать, что наша задача — осмыслить взаимоотношение уровней русского языка посредством построения системы письма на базе латиницы, исходя из следующих основных положений:

1. Принцип функциональности

Письменность (как и непосредственный речевой контакт) призвана обеспечивать и обслуживать основные функции языка:

1) Коммуникативная функция — запись (кодирование) сообщений на русском языке для последующей передачи (виртуальному) собеседнику. В частности, для письменной речи, это предполагает возможность общения между людьми, удаленными друг от друга в пространстве и во времени, а также между различными уровнями субъекта (личность и общество, иерархия социальных групп).

2) Экспрессивная функция — выражение особенностей речевой ситуации и отношений между говорящими в данной ситуации. В частности, необходимо уметь на письме передавать речевые интонации: нейтральную, вопросительную, побудительную, уверенность и сомнение, восхищение и презрение, одобрение и отрицание...

3) Дискурсивная функция — формирование иерархии собственно языковых явлений, представляющих, поддерживающих и порождающих те или иные культурные реалии. Речь не просто фиксирует нечто, существующее в культуре, — она сама становится особой культурой, способствующей возникновению особых социальных групп, их внутренней сплоченности. В более широком смысле — дискурс есть способ сериализации, присущий данной конкретной культуре; в частности, ходовые нормы рассуждения влияют на стиль мышления эпохи.

Помимо этого, письменность может широко использоваться и в неязыковом контексте, становиться просто сырым материалом, ресурсом какой-либо деятельности — как визуальный образ, формат данных, способ маркировки или элемент оформления; точно так же, устная речь может, например, использоваться в музыке просто как тембровый комплекс, как голос, как особый музыкальный инструмент.

2. Принцип универсальности

Письменность должна быть единой для всех носителей языка — то есть, по возможности, не зависеть от индивидуальной манеры высказываться или диалектных особенностей. С другой стороны, необходимо предусмотреть средства, позволяющие при необходимости передавать такие особенности на письме.

Необходимо также обеспечить возможность заимствования лексики из других языков, в том числе, с сохранением особенностей записи или произношения оригинала. Поскольку латиница стала международным стандартом *de facto* эта часть программы выполняется почти автоматически — при условии, что способ записи русских текстов не будет слишком экзотическим, без радикального переосмысления ассоциативно-фонетической основы латиницы.

3. Принцип компактности

Запись должна быть оптимальной в нескольких смыслах:

1) компактность и взаимодействие с контекстом: логически единый элемент письма не следует представлять несколькими знаками; требуется также возможность опускать на письме часть знаков, если это не приводит к разрушению восприятия;

2) количество используемых знаков должно быть минимальным — насколько это возможно без потери удобочитаемости; в частности, ничто не запрещает нам использовать один и тот же знак для передачи разных языковых элементов;

3) знаки должны быть максимально простыми и легко различимыми.

Поскольку речь идет о латинице, логично ограничиться символами ASCII (алфавит английского языка) без использования каких-либо диакритических знаков и любых иных символов уникода. Некоторые символы расширенного набора могут появляться, например, в заимствованных словах — однако везде, где возможно, следует ограничиться транслитерацией. Возможно также использование символов Уникода в качестве альтернативной (необязательной и нерегламентированной) записи стандартных знаков и их сочетаний. Конечно, латинский алфавит не во всем удовлетворяет пункту 3; однако изобретение более рационального алфавита взамен латиницы — это уже следующий этап.

В качестве конкретизации трех базовых принципов, можно предложить:

4. «Антифонетический» принцип

Письменная речь не обязана ориентироваться на звучание разговорной речи, даже нормализованной в соответствии с какой-либо фонологической системой. Воспроизведение текста в звуке (чтение вслух) происходит на основе знания носителем языка основных правил произношения — начиная с фонем и кончая законченностью текста в целом. Письменность вполне может быть неоднозначной — как в смысле разного чтения одних и тех же знаков в разном окружении, так и в смысле наличия разных способов записать одно и то же.

Тем не менее, письменность должна включать элементы, позволяющие при необходимости условно обозначать какие угодно фонетические комплексы, и в частности, внутренним образом транскрибировать тексты, чтобы такую запись можно было прочесть, следуя логике самой системы письма. Разумеется, такое представление всегда будет лишь приблизительным; но абсолютно точная запись звучания ограниченным числом знаков невозможна в принципе, и любая транскрипция предполагает разумные приближения.

Поскольку письменность освобождена от фонетики, ее базовый уровень ориентирован на строение языка (грамматику, семантику) и его интонационный строй. Возможные варианты записи — единство значения и смысла, коннотаций и интонации. Они точнее передают характер

звучания, тем самым уравнивая его в правах с чисто формальными показателями. Это делает письменную речь более выразительной. Да, безграмотным подобная эмансипация орфографии позволяет загнивать в собственном убожестве; но тот, кто стремится выразительно говорить, сможет и писать по-настоящему выразительно, а внутренняя неорганизованность неизбежно проявится письменными случайностями или хаосом интонаций. Однако принципиальная ненормативность системы письма позволяет изобразить даже это.

5. Принцип лексико-интонационной иерархии

У всякого (устного или письменного) текста есть две взаимозависимых стороны, которые можно условно обозначить терминами «лексика» и «интонация». Интонационная иерархия разворачивается «сверху вниз», от текста в целом к его отдельным фрагментам, предложениям, фразам, синтагмам, слогам, фонемам — вплоть до интонирования внутри фонем. То есть, для нас фонема — не единица значения, а уровень интонации. Напротив, лексическая иерархия начинается с элементарных значений, которые соединяются в более сложные значения, из которых можно строить фразы, из фраз — предложения и, наконец, из предложений — развернутые тексты. Лексика передает значение; интонация передает смысл.

В письменности мы выделяем два класса графических средств: показатели интонации — и лексикографические элементы. И то, и другое допускает широкую вариативность; одно плавно перетекает в другое. Для представления лексем используются буквы латинского алфавита, для обозначения интонаций — знаки препинания. Однако на стыке того и другого — область «огласовок» и «лигатур», уточнений как лексического, так и фонетического плана. Практически любой знак (или комбинация знаков) может использоваться в качестве огласовки или лигатуры, в дополнение к его лексической или интонационной нагрузке.

6. Принцип творческого единообразия

В каждом контексте выбор средств выражения — дело автора. Мы не предписываем никаких общеобязательных норм, и каждый вправе самостоятельно творить свое неповторимое лексико-интонационное поле. Мы предлагаем принципы, а не правила. Однако в каждом контексте взаимоотношение элементов должно быть по возможности последовательным, осмысленным и логичным. Только тогда текст будет восприниматься как целое (даже если его целостность выражает нечто эклектично неопределенное), как языковое образование и явление культуры. Разрушение такого единообразия есть свидетельство неразумности, неразвитости сознания, полуживотного поведения.

Например, автор вправе для данного конкретного текста определиться со способом записи лексем — и сохранять их в неизменном виде, независимо от фонологии. Противоположное решение — по-разному писать одни и те же лексемы в зависимости от позиции. Есть и промежуточный вариант: в основном блюсти лексическую стабильность, но отображать на письме наиболее регулярные фонологические трансформации.⁷ Автор вправе следовать разным принципам в разных текстах — но в пределах одного текста разноречивым недопустим.

Поскольку в каждом контексте лексемы записываются единообразно, фонологическая структура не играет большой роли, а способ «озвучивания» в значительной мере зависит от окружения. Математические или химические формулы русский и американец читают по-разному — но имеют при этом в виду примерно одно и то же. Запись лексемы таким образом становится подобна иероглифу — это лишь абстрактная последовательность типовых «черт». Поскольку мир ближайшего будущего населен преимущественно китайцами, усмотреть идейное родство европейской и китайской письменности — по жизни, очень своевременно.⁸

Было бы логично не тащить в новую систему письма исторические пережитки прежней, а предложить нечто своеобразное, больше отвечающее характеру латиницы — и духу русской речи. Ненормативность орфографии позволяет смелее экспериментировать, чтобы практика

⁷ Например, в турецком языке звуковые чередования при образовании лексических форм настолько регулярны, что решение отображать их на письме было вполне оправданным и логичным. В ряде других тюркских языков те же морфемы записываются без учета фонетической ассимиляции.

⁸ О записи русского языка на китайский манер — как-нибудь в другой раз.

общения могла из чего-то выбирать, закрепляя удачные находки и отсеивая слишком искусственные конструкции.

7. Принцип редукции

Единообразные комбинации лексикографических элементов на письме сокращаются, подобно тому, как полное произношение редуцируется в живой речи. Широкое употребление подобных «лигатур» следует сделать обычной практикой; наиболее устойчивые сокращения станут частью «стандарта» языка. Там, где использование сокращенной записи не приводит к разночтениям, следует предпочесть именно ее — а не полную («словарную») форму, и тем более не фонетическую транскрипцию («полностью огласованное» написание).

8. Принцип развертывания

Знаки и сочетания знаков, используемые для записи лексем, могут передавать разные интонации (в том числе, разные фонемы). Система письменности должна предоставлять автору стандартные средства для уточнения интонаций. Принцип развертывания предполагает, что такое уточнение должно разумно достаточным: экономным и осмысленным. Там, где можно обойтись краткой записью, следует предпочесть именно ее. Введение знака препинания или огласовки подчеркивает ту или иную сторону текста и тем самым передает речевое намерение автора. Разумеется, эти намерения не регламентированы самой системой письма. Вопрос об их правильности может стоять только в плане соответствия формы содержанию, в конкретной культурной среде.

9. Принцип естественности

По возможности, следует стремиться к интуитивной понятности записи для любого носителя языка — без необходимости вспоминать правила и переводить в уме. Возможно, человек, привыкший к кириллице, не всегда сумеет записать тот же текст латиницей — но прочесть его он должен без труда. Ошибки при переходе с одной системы письма на другую неизбежны; однако в наши дни знатоков кириллицы не так уж много — и все пишут кто во что горазд, больше полагаясь на компьютерные подсказки, чем на собственное языковое чутье. Создайте движок автоматической проверки правописания для русской латиницы — и проблем с набором текстов не станет.

Разумеется, «естественность» — преимущественно дело вкуса, и в этом пункте произвол изобретателя письменности сказывается сильнее всего. Но надо же оставить работу и для таланта!

10. Принцип иерархичности.

Последний по порядку — но первейший по значимости. На самом деле, это относится уже не конкретно к письменности, а к любой деятельности вообще. И к строению мира в целом. Но в узком смысле речь идет о том, что любые языковые явления происходят на разных уровнях — и на каждом уровне выглядят они по-своему. Более того, сама последовательность уровней (иерархическая структура) может развертываться по многим направлениям, в зависимости от ситуации. Поэтому разговоры о единой и универсальной лингвистической теории совершенно безосновательны — и лингвистическая практика также не ведает абсолютов. Язык как набор правил — редкое исключение, ибо даже искусственные (формальные) языки опираются на текущее понимание некоторой предметной области; с развитием этого понимания (вслед за развитием предметной области) будет меняться не только «наполнение» языковых конструкций, но и сами языковые формы.

Текст не существует вне контекста. На любом уровне иерархии — от артикуляций до литературного направления. Соответственно, всякий знак понимается не сам по себе, а в его отношении ко всем прочим знакам, а также к общекультурным обстоятельствам. В этом отличие системы письма от системы кодирования. Культура бесконечна, ее не вместить ни в какой алфавит. Мы неизбежно будем переосмысливать знакомые знаки в новых обстоятельствах, и не следует отвергать никаких комбинаций только лишь по причине их непривычности. Возможно,

автор хотел таким способом о чем-то нам поведать. Если мы не умеем этого увидеть — проблема не всегда в чьей-то косноязычности.

Собравшись с мыслями и духом — приступим.

Еще раз вкратце рисуем задачу: требуется предложить способ записи текстов на русском языке при помощи латинского алфавита (26 символов ASCII), интуитивно понятный носителям языка и в общих чертах передающий строй русской речи иностранцам. Мы предоставляем не фиксированный стандарт, а, скорее, шаблон для выработки стандартов — готовим набор инструментов, не регламентируя его использование, допуская индивидуальное формотворчество и образование иерархии субкультур. Вместе с тем, система письма при необходимости должна обеспечивать возможность детальной спецификации значений и звучаний внутренними средствами, не требуя дополнительных знаковых систем (там, где формулы и жесты в принципе возможно прочесть — то есть, передать лексическими и интонационными средствами русского языка).

Речь не идет об открытиях или практических решениях: это всего лишь абстрактная модель, обыгрывание общих идей. Но для кого-то, вероятно, — повод задуматься и продолжить, возможно, в каком-то другом направлении. Со всеми возможными оговорками, можно теперь обсуждать то, что громко озаглавлено:

Система письменности русского языка на основе латиницы

Примем, что речь (устную или письменную) можно представить последовательностью условных знаков — графем. Вообще говоря, это не всегда так: в некоторых обстоятельствах представление не сводится к простой последовательности (например, в программировании, или при совместной работе иерархически организованных коллективов). Но во многих практически важных ситуациях линейное представление (исторически восходящее к технологиям фиксации устной речи) вполне себя оправдывает.

В качестве основных графем выбрано подмножество символов кодовой таблицы ASCII (коды от 0 до 127).⁹ Любые другие графемы (например, в стандарте уникада) могут быть использованы либо в качестве лигатур (сокращений), либо в соответствии с контекстными соглашениями для передачи каких-либо особых понятий и оттенков смысла.

Графемы подразделяются на три основные функциональные группы:

- 1) лексикографические знаки используются для записи лексем (значимых единиц речи);
- 2) знаки пунктуации (иначе: знаки препинания) используются для структурирования (интонационной и логической разметки) текста и его частей;
- 3) специальные символы используются для прочих целей (в частности, для обозначения математических объектов).

Непроходимой границы между этими группами нет: графемы каждой группы могут изображать контекстно определенные функции другого типа, и даже нескольких типов одновременно. Представленные здесь интерпретации — лишь одна из возможностей.

Знаки пунктуации

Мы предполагаем, что (на одном из уровней) всякий текст представлен набором *предложений* — элементарных единиц текста. Более масштабные единицы текста выходят за рамки собственно системы письма: это, скорее, вопрос типографики.

Расположение и связь предложений внутри текста не связаны с системой письма как таковой: они зависят от культурных стандартов, области деятельности и намерений автора. Для определенности будем полагать, что текст записывается слева направо до границы поля, а при

⁹ Мы говорим о латинице. Возможны альтернативные системы записи (транслитерации), например, на основе греческого или арабского алфавита, или даже кириллица как транслитерация.

достижении границы продолжается ниже, с начала следующей строки. Потребуем также, чтобы одно предложение на письме отделялось от другого одним или несколькими *знаками разметки*: пробел, знак табуляции, знак конца строки, знак перехода на следующую строку, знак конца абзаца, знак конца текста и т. д. В кодировке ASCII это знаки с кодами от 0 до 32 включительно; в дальнейшем, для краткости, мы будем любой из них (и любую их последовательность) называть пробелом.¹⁰ На плоскости разные варианты пробелов отображаются пространственным расположением, в соответствии с действующими правилами форматирования. Например, направление слева направо и сверху вниз может быть заменено движением сверху вниз и справа налево, либо бустрофедоном, либо записью по кругу... Еще больше вариантов в трехмерном пространстве: одна и та же размеченная последовательность может выглядеть по-разному с различных направлений.

Особый случай пробела — начало или обрыв текста (когда предшествующих или последующих графем просто нет).

Вообще говоря, текст может включать также элементы разметки для указания стилей оформления, для ссылок на другие тексты, для управления последовательностью чтения... Такие конструкции (гипертекст) не принадлежат системе письма конкретного языка.¹¹

Каждое предложение русского языка может нести одну из типовых интонаций:¹²

- 1) *Завершенность*. Изображается знаком точки (.) в конце предложения.
- 2) *Вопрос*. Изображается вопросительным знаком (?) в конце предложения.
- 3) *Восклицание*. Изображается восклицательным знаком (!) в конце предложения.
- 4) *Незавершенность*. Изображается тремя точками (многоточием) в конце предложения.
- 5) *Возврат к теме*. Изображается тремя точками (многоточием) в начале предложения.

Существуют контекстные варианты базовых интонаций: например, интонация завершенности характеризует любой фрагмент текста, не требующий продолжения: утверждение, суждение, информация, отказ от продолжения темы... Интонация незавершенности может указывать на возможное продолжение — либо нести оттенок неуверенности. Восклицательная интонация может означать требование. Возможны также любые комбинации оттенков; на письме это выражается постановкой нескольких интонационных указателей (включая повторы) в одном предложении — причем порядок следования, вообще говоря, связан с различием интонаций.

Поскольку одно предложение отделяется на письме от другого пробелом — указатели общей интонации (текстовые акценты) проставляются в конце предложения перед пробелом, либо в начале предложения после пробела.

Сразу заметим, что интонационные маркеры могут употребляться и самостоятельно, становиться лексически наполненными. В художественной литературе изолированный знак препинания (или их комбинация) — обычное дело: так передают коммуникативные явления, не сводящиеся к фонации (выражение лица, жесты и т. д.), или абстрактные идеи. В экзотических случаях текст целиком может состоять из знаков препинания (например, «Пульс» Мерайли). Следует отличать лексическое наполнение знаков пунктуации от их неязыкового использования: орнамент, стимул, предписанная реакция и т. д.

Предложение представляет собой целостность, элементарный текст; от членения текста на предложения зависит его восприятие — и ответственность за расстановку акцентов ложится на плечи автора. Пробелы между предложениями в речи становятся достаточно выраженными паузами, после которых, например, можно сменить тему. Однако предложение, в свою очередь, может состоять из одной или нескольких *фраз*, которые произносятся со своей собственной интонацией (возможно, модифицированной с учетом общей интонации предложения) и отделяются в речи друг от друга паузами другого типа (как правило, укороченными). Чтобы отобразить эту внутреннюю структуру, между фразами на письме помещаются пробелы, а часто

¹⁰ В соответствии с принятой в программировании терминологией: *whitespace*.

¹¹ Их рассмотрение — предмет особой отрасли лингвистики, теории (мета)текста.

¹² Заметим, что такое обозначение интонаций на письме — характерная черта именно русской письменности. В других языках действуют иные правила.

и дополнительные знаки — *разделители*, служащие для различения характерных интонаций и способов объединения фраз в предложении (синтаксических связей):

- 1) Совместность, дополнительность, альтернатива — точка с запятой (;).
- 2) Пояснение, уточнение (первой фразы из двух) — двоеточие (:).
- 3) Следствие, противопоставление, указание, продолжение, эллипсис — тире (---).
- 4) Перечисление, последовательность, другая формулировка — запятая (,).
- 5) Незавершенность, продолжение — многоточие (...)
- 6) Вопрос — вопросительный знак (?).
- 7) Восклицание, подчеркивание — восклицательный знак (!).

Точка с запятой, двоеточие, запятая и многоточие пишутся в конце фразы перед пробелом. Тире отделено пробелом как от последующей, так и от предшествующей фразы; в этом контексте оно может быть представлено также одиночным дефисом (-). Функция многоточия (интонация фразы или интонация предложения) обычно ясна из (интонационного) контекста. При использовании капитализации (первая буква предложения должна быть заглавной), после фразового многоточия следующая фраза пишется со строчной буквы (если, конечно, это не имя собственное); тогда многоточия в конце фраз не спутать с многоточиями в конце предложений и по формальным признакам. То же относится к восклицательному и вопросительному знакам.

В отличие от интонаций предложения, фразовые интонации практически не смешиваются, и комбинации фразовых знаков препинания практически не используются (за исключением особых литературных приемов). Выбор знаков препинания в каждом составном предложении определяется не формальными требованиями, а намерением автора. В частности, это относится и к оформлению парных конструкций: *если ... то, ни ... ни, или ... или* и др. Есть общий принцип: не писать лишнего. Графемы вводятся только там, где это действительно необходимо.

Фраза по смыслу (а иногда и по структуре) подобна предложению и может, при других обстоятельствах, быть выделена в особое предложение. Однако внутри предложения такие «частичные» предложения играют подчиненную роль, их интонация укладывается в интонацию целого. Это подчеркивается терминологией: мы всегда называем части предложения фразами.¹³

Фраза иногда произносится слитно, как целое; в других случаях она делится на синтагмы, слитно произносимые фрагменты, разделяемые паузой (как правило, менее выраженной, чем паузы между фразами). На письме синтагмы разделены пробелами; если требуется усилить, подчеркнуть паузу — используется запятая в конце синтагмы перед пробелом (а в редких случаях и отделяемое пробелом от предыдущей синтагмы тире).

В русском языке синтагмы нередко образуются при выпадении глагола-связки (а иногда и других лексем). Подразумеваемый текст в этом случае традиционно обозначается знаком тире. Однако это не догма: выбор и здесь определяется речевыми намерениями, предполагаемыми интонациями. Только автор текста может решить, подчеркивать ему паузу между вот этими конкретными синтагмами или нет. Да и само деление на синтагмы очень индивидуально, подвижно. Можно изучать типовые варианты — но предписывать нельзя.

Следующий уровень — структура синтагм. Интонация в синтагме едина, и с точки зрения фонологии, можно было бы писать все внутри синтагмы слитно (как это и делается в некоторых языках). Делить синтагму на составные части можно по фонологическому принципу, выделяя минимальные звуковые комплексы, произносимые как целое. Такие элементы называются слогами. Можно выделять также отдельные фонемы или интонации внутри фонем — но существуют они только внутри слога. С другой стороны, слоги могут объединяться в более крупные структуры — просодические единицы (в частности, метрические). Границы таких структур не обязаны совпадать с границами синтагм, и это широко используется в художественной литературе для придания речи выразительной напряженности. Однако в системе письма мы исходим из иного, лексического представления: каждая синтагма формально

¹³ Школьная грамматика выделяет различные виды «сложных» предложений по формальному признаку: наличие подлежащего и сказуемого в разных фразах. С точки зрения речи (устной или письменной) такое деление излишне: достаточно интонационного членения.

представляется последовательностью атомарных значимых единиц (лексем). Лексеммы могут писаться слитно или с использованием каких-либо разделителей. Разделенные пробелами лексеммы называются словами. Лексеммы в составе слова называются морфемами. Часть лексем может быть и словами, и морфемами. Другие традиционно появляются только в составе слов. Несколько слов могут по смыслу объединяться в составное слово; его части разделены знаком - (дефис), не отделенным пробелами от предшествующей и последующей лексем. Написание лексем отдельно, слитно или через дефис диктуется общим смыслом, а не традиционной орфографией: дефис в качестве разделителя лексем подразумевает их противопоставление в составе целого при сохранении оттенка связи, совместности, — в отличие от пробела, которых делает лексеммы самостоятельными словами, допуская превращение их в синтагмы, фразы или предложения. Ср.:

всетаки
все-таки
все таки
все! таки...

Аналогично *коекто* (например, во фразе *этот коекто*) отличается от *кое-кто*; *по-дружески* — не то же самое, что *по дружески* (можно также сказать: *по дружбе*), тогда как форму *подружески* можно запросто производить от слова *подруга*.

Для выбора того или иного способа написания важны не формальные требования, а соображения смыслового порядка: зависимость и независимость лексем, их роли, эмфатические интонации и намерения автора. Существуют также традиционные варианты написания, которые можно было бы условно принять в качестве (необязательного) стандарта. Главное — отобразить в структуре фраз структуру предметной ситуации, мир как мы его видим и как к нему относимся.

Хотя за основу членения синтагм принимается лексический принцип, мы должны уметь представить в письменности и слоговое деление, и наше понимание фонологии. В принципе, тот же знак (дефис) можно использовать для отображения любых внутренних членений; это согласуется с антифонетическим принципом. Однако развести в письменной речи смысловые, подчеркнуто интонационные и формальные членения было бы полезно. Одно дело — когда мы выделяем логические компоненты слова; совсем другое — указание на способ произнесения или типографское оформление текста. Можно предложить достаточно естественный вариант: при формальном членении, части синтагм (слов) мы соединяем знаком + (*с+тек+л+ян+н+ый*), а просодическое (ритмическое) деление обозначается вертикальной чертой (*сте|клян|ный*), иногда двойной; (псевдо-)«фонетическую» транскрипцию, следуя старой традиции, мы заключаем в квадратные скобки: [ст][е][кл][я][нн][ый].

При построчном расположении текста на странице, перенос текста с одной строки на другую возможен на любом знаке пробела; в идеале, этим и следовало бы ограничиться. Разбивать слова при переносе не рекомендуется. Тем не менее, в типографике бывают ситуации, когда все же приходится переносить на другую строку часть слова: соседние строки с контрастной разреженностью смотрятся уродливо — и затрудняют чтение. Во многих системах письма для перехода на другую строку (или колонку) слово (или иная целостная конструкция) может быть разбито в произвольном месте (вплоть до переноса единичного символа). В русском языке так не принято: нормативный перенос — только по слогам, причем слог из одной буквы от остальной части слова при переносе не отделяется. Это соответствует (виртуальному) обособлению частей слова в самостоятельные слова (вставка пробела). В кириллице такое условное деление отображается комбинацией дефис+пробел: *стеклян- ный*. Составное слово при переносе «разрезается» по уже имеющемуся дефису, что разрушает лексико-интонационную иерархию: *коекто* ≠ *кое-кто*. Приходится взывать к совести (и профессиональной компетенции) дизайнера: оформление должно соответствовать авторскому замыслу. Однако в латинице нам все равно что-нибудь придется менять... Так почему бы не усовершенствовать правила переноса? Например, разбиение составного слова на части выглядит вполне естественно, и можно просто вставить пробел после дефиса. Напротив, формальность типографики при разбиении единого слова соответствует вышеуказанному употреблению знака +; давайте употреблять его вместо дефиса, и тогда автоматически *кое+ кто* ≠ *кое- кто*.

Фонологическая структура синтагм, вообще говоря, не связана с выделением лексем; интонация и просодика игнорируют самостоятельность слов. Когда нам важна преимущественно коммуникативная сторона текста, фонологическое деление на письме никак не отображается, а разделение лексем связано, главным образом, с необходимостью передать те или иные оттенки значения. Если же автору важно подчеркнуть экспрессивную сторону общения, структура синтагмы на письме подчинена взаимодействию характерных интонаций. Одно не противоречит другому: в экспрессивной речи части слоги и отдельные фонемы могут «насыщаться» значением и превращаться в подобие лексем — а то и в полноценные лексемы. Никто, ведь, не заставляет нас выстраивать деятельность исключительно по форме объекта: субъективные предпочтения играют немаловажную роль при выборе конкретной реализации предполагаемых действий. Различие «виртуальных» (интонационных) лексем от классических состоит лишь в их большей подвижности, ситуативности, (кажущейся) случайности. Как только интонационное выделение приобретает общекультурный статус (хотя бы и в рамках локальной субкультуры), оно становится собственно лексическим явлением. Сознательной переработкой речевых эпизодов в культурные формы занимаются искусство, наука и философия. Например, в поэзии строка и строфа — не типографская условность, а фундаментальная структура, по отношению к которой слоги и морфемы ведут себя особым образом, приобретают дополнительную смысловую нагрузку в зависимости от места в тексте. Разумеется, невозможно и не нужно предусматривать в системе письма особые инструменты для передачи таких коннотаций. Тонкие вариации интонаций внутри синтагмы или слога могут быть переданы особенностями авторской орфографии.

Традиционно, для отображения на письме некоторых оттенков смысла или интонации пользуются кавычками. Фраза, синтагма или слово в кавычках — требует особой интерпретации, несводимой к непосредственному восприятию. По сути дела это отсылка к культурному контексту — только во взаимодействии с партнером возникают дополнительные уровни текста: переносный смысл, иносказание, ирония... Легко видеть, что подобная иерархичность текста формально связана с выделением в нем относительно замкнутых целостных образований, вставных фрагментов. Этот вопрос заслуживает особого рассмотрения.

Фразовая иерархия

Даже устная речь никогда не бывает одномерной последовательностью фонаций. Чтобы общение стало «объемным» — приходится играть интонацией, ломать ритм, перескакивать с одной темы на другую. Традиционная лингвистика не жалуется подобные «неправильности», относит их к области культуры и отказывается обсуждать в плане строения языка. Но любая человеческая деятельность иерархична, и было бы неправильно ограничивать общение одними лишь линейными, сериализованными фрагментами. Даже компьютерные протоколы давно уже переросли простую серийность: придуманы многочисленные технологии мультиплексирования, аппаратного и программного распараллеливания коммуникаций и вычислений. А наука о языке застыла на абстракциях тысячелетней давности. Даже при анализе письменного текста зачастую ограничиваются плоским одномерным представлением: всего лишь последовательность знаков (возможно, включая разделители). Практика заставляет рассматривать знаковую структуру разных масштабов: уровень букв, уровень слов, уровень предложений... Но на каждом уровне все по-прежнему: одно за другим — как караван верблюдов.

Господствующая парадигма оказала влияние и на системы письма. В современных учебных курсах рассказывают о возможности замены любого члена предложения сколь угодно сложно построенной фразой. Говорят о группе подлежащего и группе сказуемого. Однако на письме эта группировка никак не отражается. Возможно, для английского или китайского языка, нужды в расширении графических систем нет. Русский язык (особенно искусство) без развитой системы вставок просто невозможен — и пришлось ввести какие-то правила их оформления на письме. К сожалению, отсутствие серьезной научной базы обрекает русскую орфографию на произвол и непоследовательность. Отсюда мучения школьников, страдания студентов, тупое безразличие широких пишущих масс... А вещь-то, в сущности, простая: давайте дадим народу стандартную возможность явно указывать, что и с чем следует объединить.

Искусственные языки (включая канцелярский, юридический и языки программирования) накопили в этой сфере обширнейший опыт. Его изучением, по-хорошему, следовало бы заняться отдельной отрасли языкознания. Пока в нашем распоряжении таковой нет, обратим внимание на два типовых приема организации сложного текста: модульность и скобочная иерархия. Первый из них говорит о том, что текст существует не сам по себе: он обязательно вложен в контекст, на который мы в тексте умеем ссылаться. Например, в юридических документах есть преамбула; математические трактаты снабжают списком обозначений; командная оболочка MS DOS широко использует ссылки на переменные окружения и умеет эти переменные переопределять; обработка интернет-запросов на сервере опирается на технологию CGI.

Компьютерные языки предоставляют программисту некоторое количество типовых схем организации вычислений. Весь процесс (начиная с верхнего уровня, «точки входа») разбивается на последовательность относительно независимых действий — «блоков». Точно так же, каждый блок состоит из последовательностей «операторов» склеенных воедино «ключевыми словами» (регулирующими порядок выполнения, выбор следующей операции). В свою очередь, любой оператор может содержать аналогично устроенные вложения. Одни блоки могут быть средой или элементами окружения для других; разные блоки взаимодействуют через среду разных уровней. Масса возможностей.

Понятно, что компьютеры возникли не из пустоты. Любые изобретения вытекают из логики материального производства и общения. А эта логика тысячи лет выражает себя на тысячах естественных языков. Русский язык не хуже других — и все умеет. Сделать его явно иерархическим — почетная миссия и благородная цель.

Итак, один фрагмент текста может присутствовать в других в виде вставки или ссылки. Текст может ссылаться на другой текст; предполагается, что существует контекст, к которому мы читателя отсылаем. Иногда для понимания аллюзии требуется очень глубокое знакомство с обстоятельствами создания текста и современной автору культурой в целом. В случае вставки мы непосредственно видим развернутый текст; однако соотнесение его с основным текстом — процедура не всегда тривиальная: надо быть в курсе происходящего, понимать (и принимать) необходимость расширения темы. Очевидно, вставку почти всегда можно заменить ссылкой: достаточно вынести ее содержание за пределы текста, в его «окружение». Например, вставные примечания внизу страницы, на полях, или концевые. Ссылки превратить во вставки можно не всегда: если мы ссылаемся на развернутый текст, на формулы и схемы, на звукозапись и видеофрагменты, — загромождать этим текст было бы неразумно.¹⁴

Как ссылки, так и вставки могут принадлежать одному из двух фундаментальных типов: расширение или замещение.¹⁵ В первом случае вставка заменяет собой один из пробелов и становится еще одним («второстепенным») членом предложения; второй вариант — подстановка текста вставки вместо одного из членов предложения, на любом уровне (фраза, синтагма, лексема, слог, фонема). Второстепенные члены предложения можно опустить без разрушения целостности (свертывание иерархии); замещение так просто из текста не выкинешь: вместо одного необходимо подставить что-то другое — хотя бы абстрактное обозначение (placeholder).

На практике используются очень разные средства расширения и замещения. Там, где многоуровневость предложения не относится к сути дела, служит лишь средством и формой, можно вообще никак не обозначать ее на письме. В остальных случаях используются особые знаки пунктуации. Было бы неразумно жестко регламентировать их употребление: никто не сможет предвидеть всего разнообразия практических ситуаций. Так или иначе, каждый автор имеет право (и должен) выработать собственную систему нотации для вставок; главное, чтобы она была последовательной и понятной. Тем не менее, можно указать общие принципы построения таких систем и предложить некий типовой шаблон, который далее обрстет

¹⁴ Но теоретически возможно. Многие Web-дизайнеры грешат чрезмерной «красочностью» страниц, перенасыщают их графикой, звуком и видео до полной нечитаемости (тем более, с учетом задержек в канале связи ограниченный браузеров).

¹⁵ Есть и другие возможности. Например, расширение знаков препинания, параллельные конструкции, ветвление, переплетение, полисемия, интонационные маркеры... Но мы говорим о том, что на каждом шагу встречается в русском языке, — и потому разумно оговорить для этого специальную нотацию.

авторскими украшениями. Здесь мы намеренно отступаем от действующих правил, пытаясь выпукло представить в нотации логику.

Ссылки допускают совершенно произвольную нотацию. Это произвольный текст (или нетекстовый объект), содержание которого важно не само по себе, а как имя некоторого элемента окружения. Никакой стандартизации в рамках системы письма это не подлежит. Единственное пожелание к авторам — избегать двусмысленности в употреблении знаков препинания. Например, если кто-то вздумает обозначать ссылки номерами с точкой: 1), 2), ... — это может ввести читателя в заблуждение, поскольку точка у нас заканчивает предложение. Аккуратность нужна и с другими разделителями.

Границы вставок удобно обозначить парными знаками: запятыми, тире, одинарными или двойными кавычками, косой чертой, а также скобками: ( ) [ ] { } < >. Ничто не мешает использовать и другие парные конструкции — только не в ущерб стандартному пониманию используемых в качестве ограничителя знаков.

Открывающие ограничители (кроме запятых и тире) примыкают к тексту вставки без пробела; закрывающие следуют за текстом без пробела; запятые, как обычно, примыкают к предшествующему тексту и отделяются от текста вставки пробелом; тире отделяется пробелами от предыдущего и последующего текста, чтобы не путать с употреблением дефиса для разделения значимых элементов слова. При этом мы требуем, чтобы открывающему элементу *всегда* соответствовал закрывающий.¹⁶ Исключение можно сделать только для вставок, оформленных знаком тире, и размещенных в конце предложения: закрывающее тире перед знаком конца предложения можно опустить, если это не приводит к недопониманию. Вставной текст вместе с ограничителями отделяется от основного текста пробелами или знаками пунктуации. Особенно это важно, если открывающий и закрывающий ограничитель представлены одним и тем же знаком.

Вставки, в принципе, могут быть вложенными — однако злоупотребление многократно вложенными конструкциями есть признак дурного стиля (даже в научных текстах). Вложение скобок в скобки того же типа в обычных текстах не рекомендуется — хотя и допускается в специальной литературе. Как и в языках программирования, не допускается перекрещивание ограничителей (пересекающиеся вставки). Однако не исключено, что в каких-то текстах такой прием может использоваться для создания специфических эффектов (семантика переплетения).

Рекомендации по употреблению знаков пунктуации для вставок:

1) Круглые скобки используются для пояснения или истолкования, для параллельных сюжетных линий или комментариев. Это универсальный способ вставить один текст внутрь другого или показать внутреннюю структуру текста. Конструкция (...) означает текстовый эллипсис, уход от обсуждения каких-то тем или аспектов темы. Внутри слова (лексемы) круглые скобки используются для разного рода группировок, выделения целостных образований.

2) Парные тире по смыслу аналогичны круглым скобкам, но не столь категорично отделяют вставку от основного текста: это способ дать дополнительную информацию, указать на другие стороны того же. Удобно использовать парные тире также при необходимости вставить текст внутри скобок.

3) Парные запятые аналогичны парным тире — но еще теснее связывают содержание вставки с основным текстом. Вставленный текст интонационно связан с основным, без оттенка противопоставления.

4) Квадратные скобки используются для ссылок на другие тексты (подразумеваемый контекст). Конструкция [...] указывает на пропущенные при цитировании фрагменты текста. Традиционно в квадратные скобки заключают разного рода интерполяции; по смыслу, это ссылка на то, что в цитируемом тексте отсутствует, но выводится из грамматики оригинала или (по мнению цитирующего) подразумевается.

5) Угловые скобки используются для комментариев внутри цитаты. Конструкция <...> указывает на отсутствие или недоступность каких-то фрагментов текста.

¹⁶ Традиционная русская орфография предписывает замену двух рядом стоящих закрывающих кавычек одной. Это вредная практика: воспринимать такие тексты трудно, ибо не всегда легко догадаться, где именно конец фрагмента.

6) Фигурные скобки используются для перечисления вариантов. Конструкция {...} указывает на сам факт наличия, возможности или допустимости вариантов.

7) Цитаты (заимствованные тексты) заключаются в кавычки. В частности, при записи прямой речи. Одинарные и двойные кавычки одинаково допустимы (взаимозаменяемы). Для вложенных вставок используются кавычки другого типа. Например, если самые внешние кавычки — двойные; кавычки внутри двойных — одинарные; потом снова двойные (внутри одинарных) и т. д. Цитаты рекомендуется по возможности приводить в авторской пунктуации (хотя, конечно, конфликтов с принятой в основном тексте системой разделителей следует избегать).

8) Парная косая черта /.../ в старину преимущественно использовалась вместо квадратных скобок (поскольку на русских печатных машинках они отсутствовали). В современных текстах это редкость — однако можно сохранить такую пунктуацию как архаизм, или держать в резерве для каких-то особых случаев выделения фрагментов текста.

Текст в кавычках или скобках может играть роль лексемы (синтагмы) и соединяться с другими лексемами (синтагмами) обычным образом. В частности, не требуется каких-либо дополнительных знаков для выделения прямой речи — это обычная синтагма или фраза, которая отделяется от остальных по общим правилам.

Лексикография

На письме лексемы изображаются комбинациями особых (лексикографических) графем, которые (условно) подразделяются на две категории: буквы и огласовки. В специальных текстах в состав лексемы могут включаться также некоторые специальные знаки. Лексемы передают некоторые (контекстно определенные) языковые значения.

В системах так называемой «фонетической» письменности последовательность букв в лексеме исторически указывает на ее произношение. Однако указание это лишь условно, ибо реальное произношение зависит от окружения (как языкового, так и общекультурного). Фактически, комбинация графем, принятая для обозначения лексемы, представляет собой некоторую составную графему, которую следует воспринимать целиком, как единый знак.¹⁷ Это позволяет представлять лексемы специальными знаками, лигатурами (частный случай — общепринятое, индивидуальное или окказиональное сокращение).

Как правило, последовательности букв для записи текста вполне достаточно: носитель языка без труда воспроизводит звучание лексемы по ее условной записи. Одинаковые сочетания графем в разных контекстах ссылаются на разные лексемы; грамматические формы во многих случаях вообще не нуждаются в особом обозначении, поскольку они в большинстве случаев однозначно определены контекстом. Тем не менее, в ряде ситуаций полезно уточнить, что именно имеется в виду. Например, при общении с иностранцами, в словарях, в официальных документах, при эмпазе, в поэзии и т. д. Для указания на способ чтения используются особые знаки — огласовки, которые в данном случае не читаются сами по себе, а лишь модифицируют чтение букв. Разумеется, никто не мешает нам использовать один и тот же знак и как букву, и как огласовку — на практике эти функции спутать трудно.

В качестве буквенных графем используются 26 букв обычного латинского алфавита. Различие заглавных и строчных букв несущественно: это элемент оформления, не влияющий на значение графемы. Традиционно заглавные буквы в русском языке используют в начале предложения, в начале имени собственного (или его компонент), а также для семантического выделения (нечто «с большой буквы»). Можно писать немецкие существительные как в оригинале; однако недопустимо «ритуальное» использование заглавных букв: *Бог, Президент*. Тем не менее, даже это оказывается возможно там, где автор употребляет такие слова как имена собственные — заменяя ими настоящее имя.

---

¹⁷ Аналогично устроены, например, корейские иероглифы. Многие китайские иероглифы представляют собой фоноидеогаммы, сочетание смыслового ключа с фонетиком; при этом чтение иероглифа лишь в общих чертах напоминает чтение фонетика, взятого как самостоятельные иероглиф. Для составной графемы, построенной из букв (фонетических указателей), можно было бы ввести особое название: *фоноглиф*.

Буквенно-огласовочное представление лексем допускает значительную свободу. Вовсе не обязательно иметь одно-единственное написание; наличие выбора, с одной стороны, позволяет каждому писать так, как ему удобнее, а с другой — дает возможность осмысленного выбора, в зависимости от целей и характера общения. Например, для собственных нужд удобна краткая (неогласованная) запись — тогда как употребление русских слов в контексте иностранного языка требует большей однозначности и может быть более развернутым. Наконец, словарные статьи предполагают «транскрипцию» лексем собственными средствами принятой системы письма. Различия относительно: развернутые варианты можно трактовать как огласовку, а краткие варианты записи — как сокращения, лигатуры.

В соответствии с антифонетическим принципом, стандартное (рекомендуемое) написание лексем не зависит от ее трансформаций при переходе от одной синтагмы к другой; в частности, графическая форма лексем сохраняется в изолированном написании (самостоятельное слово), и при вхождении в другие слова в качестве морфемы. Кириллица иногда пытается отразить фонетические изменения, происходящие при перемещении морфемы в другое окружение; типовые варианты заучивают с использованием разного рода мнемонических правил.¹⁸ Такая практика не нужна, если воспользоваться вариативностью записи и выбрать основной вид лексем так, чтобы не нужно было его изменять. Разумеется, автор вправе подчеркнуть произношение соответствующим написанием; однако однозначного соответствия букв фонемам, вообще говоря, нет. Но такой однозначности нет и в кириллице... Ориентировочно, соответствие двух систем письма (переход от кириллицы к латинице) можно представить в виде таблицы:

гласные	согласные
<i>a, я</i> → <i>a</i>	<i>б, бь</i> → <i>b</i>
<i>я</i> в начале слога → <i>ya</i>	<i>в, вь</i> → <i>v</i>
<i>ан, ян</i> → <i>a~</i> [носовое]	<i>г, гь</i> → <i>g</i>
<i>э, е</i> → <i>e</i>	<i>д, дь</i> → <i>d</i>
<i>е</i> в начале слога → <i>e ye</i>	<i>ж, жь, жж</i> → <i>z (= zh) s</i>
<i>эн, ен</i> → <i>e~</i> [носовое]	<i>з, зь</i> → <i>z</i>
<i>ы, и</i> → <i>i</i>	<i>к, кь</i> → <i>k c q</i>
<i>и</i> в начале слога → <i>i hi yi</i>	<i>л, ль</i> → <i>l</i>
<i>о</i> → <i>o</i>	<i>м, мь</i> → <i>m</i>
<i>он</i> → <i>o~</i> [носовое]	<i>н, нь</i> → <i>n</i>
<i>ё</i> в ударной позиции → <i>e</i>	<i>п, нь</i> → <i>p</i>
<i>ё</i> безударное → <i>o, e</i>	<i>р, рь</i> → <i>r</i>
<i>ё</i> в начале слога → <i>yo</i>	<i>с, сь</i> → <i>s</i>
<i>ён</i> → <i>o~</i> [носовое]	<i>т, ть</i> → <i>t</i>
<i>у, ю</i> → <i>u</i>	<i>ф, фь</i> → <i>f</i>
<i>ю</i> в начале слога → <i>yu</i>	<i>х, хь</i> → <i>x</i>
кластер открытый → (пусто) . <i>a</i> <i>o</i>	<i>ц, ць</i> → <i>c (= ts)</i>
кластер закрытый → (пусто) . <i>e</i> <i>i</i>	<i>ч, чь</i> → <i>c (= ch = tsh)</i>
безударная <i>у</i> → <i>u</i>	<i>ш, шь</i> → <i>s (= sh)</i>
безударная <i>ы</i> → <i>i</i>	<i>й</i> → <i>y i</i>
[ä] → <i>a</i> :	<i>ÿ</i> → <i>w u</i>
[ö] → <i>o</i> :	[ðз] → <i>j</i>
[ü] → <i>u</i> :	[дж] → <i>j (= jh)</i>
[æ] → <i>a</i> :	[цз] → <i>z~</i>
[œ] → <i>o</i> :	[чж] → <i>zh~</i>
[ø] → <i>u</i> :	(густое) придыхание → <i>h</i>
<i>ь</i> → (пусто)	твердый приступ → (пусто) `
<i>ь</i> → (пусто) `	мягкий приступ → (пусто) '

¹⁸ Такие чередования присутствуют во многих языках. Например, парадигмы образования множественного числа арабских существительных и отглагольных форм. Сюда же примыкают различия основ настоящего и прошедшего времени в персидском языке — и аналогичные явления в европейских языках. Это след древнейшей истории языка; сколько-нибудь убедительного научного объяснения пока нет.

Еще раз подчеркнем: это не транслитерация, и не существует алгоритма автоматической замены кириллицы на латиницу. В некоторых (стилистически нейтральных) случаях возможна подстановка «по словарю». На практике автор выбирает вариант записи в зависимости от характера и целей общения.

Хотя мы и не стремимся отобразить на письме звучание языка, принцип естественности побуждает нас опираться на фонетический строй, взятый хотя бы в общих чертах. Поэтому первая интерпретация принятых правил записи ориентирована на своего рода «внутреннюю транскрипцию», без которой никакой язык все равно не может обойтись. Это еще не собственно языковая, а, скорее, изобразительная функция письменности; на практике фонетическая запись требуется лишь в особых, сравнительно редких случаях.

Во многих языках, включая русский, минимальная речевая целостность — это слог; различия здесь преимущественно в строении слога, в его внутреннем движении. Части слога (фонемы) не появляются сами по себе — они приобретают определенность только в составе слога. Можно было бы, на этом основании, разработать русскую слоговую письменность, подобно принятым в Японии или Корее. Но мы здесь обсуждаем переход на латиницу, и придется предложить модель слога, совместимую с его представлением последовательностью лексикографических знаков.

В контексте построения экспериментальной системы письма примем, что русский слог устроен совершенно универсальным образом. Это всегда последовательность трех элементов: инициаль (согласная), медиаль (склейка), финаль (гласная). Других вариантов нет. В русском слоге только два способа склейки: узкая (мягкая согласная + закрытая гласная) и широкая (твердая согласная + открытая гласная).¹⁹ Кириллица различает эти варианты путем введения особых букв для последовательности медиаль+гласная. На письме латиницей мы отображаем только согласные и гласные — а медиаль (способ склейки) только подразумевается. Например, запись *la* может соответствовать и *ла*, и *ля*. Спутать одно с другим возможно лишь вне контекста, при изолированном написании.²⁰ Но в таких ситуациях для уточнения используют огласовки: узкая склейка обозначается знаком ' (апостроф); широкая склейка предполагается по умолчанию, но для полной определенности ее можно обозначить знаком ` (обратный апостроф). Такая запись, очевидным образом, восходит к старой традиции обозначать мягкость русских согласных апострофом; с другой стороны, мы вспоминаем об использовании диакритических знаках для различения вариантов произношения гласных: например, *é* передает закрытое чтение, *è* указывает на открытый вариант.

Следуя академическому обычаю, различаем пять полных гласных: [a], [э], [ы], [o], [y]. Каждая из них может быть представлена в открытом и закрытом варианте. Для них в латинице используются буквы *a, e, i, o, u*. Полные гласные в речи могут быть ударными и безударными, произносятся долго или кратко (независимо от ударности). Например, в поэзии характер произношения зависит от типа и строения стиха.

Помимо полных, имеется также «редуцированная» гласная [э], которая в открытом произношении — нечто среднее между открытыми [a] и [o], иногда с призвучием [э]; в закрытом варианте она похожа на закрытое [e] или [и]. Кириллица предлагает набор правил орфографии для различного написания этой фонемы в разных словах; за основу берут написание той же лексемы в одном из ударных вариантов. В латинице отображать этот звук на письме не обязательно, он подразумевается контекстом. Эмфатическое произношение таких лексем бывает разным, и выбор буквенного представления определяется намерением автора. Для полноты примем, что в нейтральном написании оба эти кластера можно явным образом представить в тексте знаком . : *под это* → *pd et* = *p.d et.* = *p.d eto*; *z.moch.k* и *kluch.k* в этом отношении совершенно одинаковы. В принципе, звук [э] возможен и в ударных слогах, и в долгом варианте. Наличие специального знака позволяет отобразить такие речевые ситуации на письме.

¹⁹ Из других языков в русский иногда проникают и другие способы склейки: придыхание (типа санскритского [dh]), дифтонгизация (пример — китайские медиали), плюс некоторые совсем экзотические. Насколько я могу судить, такие заимствования пока не приобрели «права гражданства» и приспособляются к русской фонологии, а не наоборот.

²⁰ Более того, для носителей языка узкая и широкая склейка часто оказываются взаимозаменяемыми: это, так сказать, аллофоны одной медиали. Например, нежное *лапочка* произносят еще нежнее: *ляпочка*.

Еще два кластера: нечто среднее между [ы] и [э], с оттенком [а] — и помесь [у] с [о], с оттенком [ы]. Оба существуют как в твердом, так и в мягком вариантах (ср.: *вижу* — *помню*, *стрелы* — *звери*). В произношении они заметно отличаются от [э], но взаимные превращения возможны (ср. различное написание междометия *дак/дык*). На письме эти два звука можно также опускать; при необходимости явного указания, будем передавать кластеры буквами *i* и *u* соответственно, что (на данный момент) ближе к реальному произношению.

В русском языке (облегченное) придыхание (пауза, шва) играет роль особой, совершенно редуцированной фонемы (аналог унисона в музыке), которая, по сути, не относится ни к гласным, ни к согласным — но может выступать и в том, и в другом качестве. В качестве гласной, шва звучит как задержка (открытый вариант — иногда с носовым оттенком; в закрытом варианте слышнее придыхание). Когда в кириллице мы видим согласную на конце слова — это просто слог с шва на месте гласной: *мо+ль* — *мо+ль*. Точно так же, традиционно выделяемые слоги с окончанием на согласную (*мол+ва*, *яр+лык*) — это иллюзия, результат слияния в синтагме нескольких слогов, часть которых включает шва: *мо+ль+ва*, *я+рь+лы+кь*. Совершенно аналогично, большинство стечений согласных, произносимых (в рамках синтагмы) как один звук, разворачиваются в последовательность слогов: *красный* → *кь+ра+сь+ны+йь*, *стройка* → *сь+ть+ро+йь+ка*. Такие скрытые структуры легко выявляются в эмфатической речи.

Итак, собственная фонологическая система русского языка включает 10 полных, 6 редуцированных, открытый и закрытый шва; итого восемнадцать вариантов финали в составе слога. Вспомним, что слогоделение отличается от просодики: это различные уровни интонационной иерархии. Один и тот же по фонетическому составу слог может произноситься совершенно по-разному, включая вариации темпа, нюансы акцентировки, артикуляцию, и т. д. Например, в поэзии метрические единицы могут состоять из любого количества слогов, относительно независимо от качества фонем. Предрассудки кириллицы (гласная буква — один слог) поэтам приходится долго и трудно изживать, преодолевая традицию тупого скандирования.

Разумеется, в иностранных словах никому не возбраняется воспроизвести произношение оригинала: экзотические звучания (гласные и согласные) все чаще проникают в русскую речь. Однако такое произношение пока вне русской фонологии, и большинство носителей языка адаптируют заимствованные фонемы к своему восприятию. Тем не менее, предложить двоеточие в качестве огласовки мы имеем полное право, и спокойно отображать [ǎ] [ǒ] [ǔ] как *a: o: u:*, опуская огласовку при каждой возможности. Точно так же, никто не мешает нам употреблять буквы *e* или *i* еще и в качестве огласовок: [æ] → *ae*, [œ] → *oe*, [wa] → *oi* и т. д.

Просодические варианты гласных — долгие гласные, дифтонги и трифтонги, тоны. Все это в разной мере присутствует в русской речи. Стандартизированных средств для изображения соответствующих интонаций на письме в кириллице нет — но некоторые приемы широко распространены. Для латиницы придется изобретать что-то свое.

Например, чтобы показать удлиненное произношение гласной, мы пишем: *да-а-а...* Учитывая стандарт употребления дефиса для разделения лексических единиц (см. выше), от такой практики следует отказаться. Точно также, по правилу слогоделения, запись *daaaa* эквивалентна *da+a+a*; это не то, к чему мы стремимся. Оставаясь в рамках минимального набора знаков (символы ASCII), не получится использовать диакритику (вроде *ā*). Как быть? Тут мы вспоминаем, что в европейских языках часто используют «немое» *h* для передачи особого произношения предшествующей гласной (особенно в иностранных словах): *hookah*, *inshallah*, *koh-lanta...* Поскольку в нашей латинице знак *h* используется, в основном, в качестве огласовки, мы можем предложить простое и достаточно очевидное правило: «огласованный» слог *dah* отличается от слога *da* удлинением гласной. Если требуется удлинить еще больше — пожалуйста, добавляйте огласовки: *dahhhh...*

В заимствованных из других языков словах русские инстинктивно разрезают дифтонги на отдельные гласные. Так, французское *moire* превращается в русское *муар*, и словари указывают на раздельное чтение гласных: *му+ар* (с ударением на втором слоге). Тем не менее, в просодии (особенно в поэзии) вполне допустимо трактовать дифтонг [ya] как единое звучание сложной структуры (с перетеканием от одной окраски к другой): *мь+ÿа+рь* (редуцированная гласная [э] в первом слоге имеет оттенок [y]; в третьем слоге редукция хорошо соответствует собственно

французскому чтению [э] — *e muet*). Фонетическая запись («транскрипция») латиницей: *mwar = m+wa+r*. Разумеется, по жизни, кто-то предпочел бы писать по-французски: *moire* — и читать «не по правилам»; нашими правилами это вполне допускается.

Нечто похожее можно было бы сказать и о назализации. По-французски запись *an* (*in, on, un*) — это один звук; точно так же, китайское *tong* вовсе не предполагает чего-то после гласной. Русские же упорно вставляют на конце [н] или [нг], которое закономерно перетаскивается в следующий слог: *роман* → *ро+ма+на, тон+га*... Носовые гласные у нас как-то не прижились — и бороться с этим мы пока не будем, но возможность отображения назализации на письме предусмотреть надо. Заметим, что соединение гласной с носовым — это аналог дифтонга; а дифтонги у нас явление просодическое, и на слоги разрезаются вполне естественно. Отсюда вышеупомянутая привычка. Чтобы при необходимости ее преодолеть, обозначим носовой оттенок огласовкой ~ после гласной; тогда назализованное произношение можно передать также лигатурами *ã, õ* и т. д. С другой стороны, знак ~ может играть и роль согласной (аналог традиционного *ng*) и склеиваться с последующей гласной по общему правилу. Конкретный выбор указывается огласовками.

Обсуждение гласных закончим ремаркой о букве *ë*, по поводу роли которой в кириллице сломано немало копий. По факту, это все та же фонема [o]; однако при слабой склейке она звучит закрыто. Сама по себе она в такой форме, вроде бы, не употребляется, — и можно было бы не изобретать лишнего. Одно время так и писали: *чорт* (или даже *чьорт*) — с обычным чередованием [o]/[e] (например, *бреду* — *брод*). Это неплохо вписывалось в систему. Но политические соображения возобладали, и победил «истинно русский» *чёрт*. Поскольку латиница у нас антифонетическая, нам черт не страшен, и мы запросто можем позволить двоякую запись: что *chert*, что *chort* — один черт. Для единообразия (та же лексема в других словах) рекомендуем в качестве основного выбрать первый вариант. Но автор вправе использовать и более фонетическую запись, через *o*.

На пути к согласным, отметим, что так называемые «полугласные» ([й], [ý]), русский язык делает обычными согласными, которые на общих основаниях могут быть твердыми или мягкими (с открытой или закрытой последующей гласной). В настоящее время звук [ý] встречается, главным образом, в диалектах и заимствованиях (*черняуай, хэлолуин*), и смягчается редко, — тогда как (например) слоги *ya* и *y'a* очень различны, и это особенно заметно на стыках лексем внутри синтагм. Никаких огласовочных функций для знаков *y* и *w* мы пока не предусматриваем. Желающие имеют право употребить полугласные, например, для записи дифтонгов — но это уже вопрос авторского намерения и вкуса.

В половине случаев согласные кириллицы сопоставляются знакам латиницы совершенно прямолинейно. С учетом того обстоятельства, что мягкость согласной мы на письме обычно не отображаем — это определяется характером склейки с последующей гласной. Однако есть и неочевидные решения. Местами приходилось наступать на горло собственным пристрастиям — и выбирать наиболее частые, типовые варианты, закрепленные международной практикой. Лично мне (огласованная) запись *sh, ch, zh* (вместо *ш/щ, ч, ж*) не нравится, и я бы предпочел для огласовки более абстрактный символ (чтобы не конфликтовало с французским или немецким языком). Однако суммарный авторитет английского с китайским перевешивает все возражения. В качестве бонуса — возможность обычным образом читать англо- и грекоязычное *th*. Опять же, система допускает параллельное использование разных способов записи — и автор вправе выбрать, что ему больше импонирует.

Сказавший «А» — да скажет «Б». Раз мы решили использовать знак *h* в качестве огласовки, употреблять его вместо кириллической буквы *х* для звука [x] было бы не очень разумно. Как ни хотелось оставить латинскую букву *x* для передачи звучания [кс/гз] в иностранных словах, пришлось приспособить ее к русскому хрипению; допускается и (огласованный) вариант *kh* — но для русского глаза это слишком громоздко, а в неогласованной записи *kxi* уж очень интерферируют *качу* и *хочу* (например: я хочу бочку — или ее качу?), тогда как запись *xci* уже ни с чем не спутаешь. В конце концов, в словах иностранного происхождения заподозрить присутствие русского звука трудно — и никто не мешает нам читать *Mexico* и как [мехико], и как [мексико]. Это одна из возможных лигатур, о которых речь впереди.

Огласовка *h* вполне приложима и к другим согласным (как ранее мы приспособили ее для удлинения гласных). Ясно, что запись *gh* передает некий гортанный звук, по аналогии с *kh*. Следуя традиции, букву *q* мы используем для передачи более активной артикуляции *k*, и допускается огласованный вариант *qh*. Наконец, и буква *x* понятая в смысле русского [x] тоже не возражает против огласовки *xh* — с соответствующей модификацией звучания. Этот букет возможностей может пригодиться при фонетической записи иностранных слов.

Мы полагаем, что звук [щ] есть просто мягкий вариант звука [ш] — и обозначаются они на письме одной буквой *s* (возможно, с огласовкой: *sh*). Русские [ц] и [ж] обычно появляются в твердой склейке (хотя в кириллице *цент* и *жесть* традиционно пишут через *e*). Звук [ч] — наоборот, обычно мягкий: гласные в словах *час* и *чуб* звучат закрыто. В эмфатической речи, в заимствованных словах и диалектизмах; встречаются также мягкие (ненормативные) варианты у звуков [ц], [ж] — и твердое («белорусское», дифтонгообразное) произношение звука [ч] как [тч]. В латинице это без труда отображается по обычным правилам.

Специальные знаки для [ц] и [ч] можно было бы не вводить — ограничиться буквами с огласовками (в качестве которых, как уже отмечалось, можно использовать и буквы). Оба эти звука восходят к [т], и *ts* легко интерпретируется как *t* с огласовкой *s*; поскольку [с] и [ш] в неогласованном написании передаются одной буквой, а [ч] в транскрипции часто представляют как [тч], запись *ts* одинаково годится для [ц] и [ч], а при необходимости естественно уточнить звучание дополнительной огласовкой: *tsh*. В качестве стандартной лигатуры для *ts*, следуя принципу минимальности, мы все-таки рекомендуем букву *c*, которая может быть стандартно огласована до *ch*. Заметим, что в словах иноязычного происхождения возможно и «европейское» чтение буквы *c* как [к] перед открытыми гласными (включая редуцированные). Слова *class* или *act* ни с чем не спутаешь. Прочсть *politia* как *policia* — тоже несложно.

Шва в качестве согласной проявляется как твердый или мягкий приступ (ср.: *ыр* — *ур*). На письме мы его не обозначаем, но если слово (слог) визуальнo начинается с гласной — что-то такое впереди обязательно присутствует, и можно указать способ склейки стандартными огласовками. В некоторых случаях шва «толстеет» и превращается в заметное придыхание, которое мы передаем на письме знаком *h*; можно считать это огласованным шва — или употреблением огласовочного знака в качестве буквы. Суть одна.

Как и для гласных, мы принимаем, что разнообразнейшие комбинации согласных, произносимые как один звук (комплексы, аналоги дифтонгов и трифтонгов), — явление просодии. При слоделении любые стечения согласных разбиваются опускаемой на письме (но вполне слогаобразующей) гласной шва: *строй* → *сь+ть+ро+йь*, *актриса* → *а+къ+ть+ри+са* и т. д. Автор, конечно, вправе подчеркнуть характер произношения любыми графическими средствами (например, знаком дефиса или явной группировкой): *от-резок*, *у(кр)оп*, *вос(тр)ебова(нн)ый*. Ясно, что в обычной беглой речи слоги в составе синтагм сливаются, и слитное произношение групп согласных — речевая норма; потому на практике обычно важнее указать раздельность произношения, а не слитные комплексы. С другой стороны, в контексте художественного произведения (особенно в поэзии) характер произношения также достаточно понятен (или наоборот, намеренно неоднозначен). Отображение просодии на письма — явление нечастое.

Удлинение согласной — один из возможных комплексов. По общему правилу, слоги с шва сливаются в произношении, что создает эффект долгого (или напряженного) произнесения. При необходимости избежать удлинения, достаточно вставить дефис или какую-либо огласовку в качестве разделителя.

В иностранных словах достаточно часто встречаются фонемы [дж], [дз] — в оригинале они произносятся как один звук, и современный русский язык стремится сохранить эту целостность. Нормативное написание представляет такие звуки соответствующими комплексами, и можно было бы в латинице писать так же: *dzh*, *dz*. Фактически, это означало бы использование букв для огласовки — наподобие того, как [ц] мы превращали в *ts*. Но в нашей латинице осталась незадействованная буква *j* — и можно было бы использовать в качестве пары для лигатуры *c*: [тс] → [дз], *c* → *j*. Тогда, обычным образом, *jh* трактуется как [дж], а без огласовки оба звука обозначаются одной буквой.

Огласовка $\sim$ ранее использовалась для придания носового оттенка гласным. Удобно также использовать ее для модификации согласных. Например, испанское $\tilde{n}$ (и французское gn) мы естественно запишем как $n\sim$ (а португальское nh останется без изменений); испанское ll и французское gl превращаются в $l\sim$; греческое ρ можно в каких-то случаях представить комбинацией rh — а написание $r\sim$ пригодится еще для чего-нибудь... Китайские [цз] и [чж] отображаются как $z\sim$ и $zh\sim$ соответственно; если опустить огласовку $\sim$, мы получаем чисто китайскую запись: zi , zhe . Аналогично можно интерпретировать mh , $m\sim$, ph , $s\sim$ и др. Хорошая расширяемость системы — это приятно.

Итак, любой лексикографический знак может выступать в качестве буквы — либо использоваться для модификации другого знака. Автор вправе изменять систему огласовок на свое усмотрение — при условии, что читателя вовремя введут в курс дела. Наиболее типичные огласовки сведены в таблице:

огласовка	позиция	чтение	примеры
'	после гласной	основное ударение	<i>mu'ka muka'</i>
'	между согласной и гласной	мягкость и закрытость	<i>m'ilo kl'on</i>
`	между согласной и гласной	твердость и открытость	<i>m`ilo kl'on</i>
'	после согласной в конце слова	мягкость согласной	<i>med' ugol'</i>
y	перед гласной в начале слога	йотирование	<i>yad yuti'tsa</i>
s	после t	звук [ц]	<i>tselo</i>
h	после c	звук [ч]	<i>chelo</i>
h	после s	звук [ш] (широкая медиаль) звук [щ] (узкая медиаль)	<i>sh`it</i> <i>sh'it</i>
h	после z	звук [ж]	<i>luzha</i>
h	после согласных	модификация	<i>dharma minha</i>
h	после гласных	удлинение	<i>allah urahhh!</i>
:	после гласных	модификация («умяют»)	<i>Köln bär für</i>
~	после гласных	носовой оттенок	<i>sharma~</i>
~	после согласных	модификация	<i>hasta man~ana</i>
—	отсутствие огласовки		<i>ves_ ≠ vesh'</i>

В письменной речи огласовки, как правило, опускаются (восстанавливаются по контексту). Разумеется, в слишком узком контексте какие-то конструкции оказываются неразличимыми: *крыса на крыше* → *kris n kris* = *крыса на крысе* = *крыша на крыше*... *Raz* — что это? — *раз* или *раж*? *Vsey* — это *всей*, *вшей* или *вещей*? Вопрос пустой. Во всех языках люди как-то справляются с омонимами — и различают омофоны в речи! С другой стороны, одинаковость написания — повод поиграть смыслами... Так это было в русской кириллице — так остается и в латинице. Если же автор настаивает на вполне определенном прочтении, он вправе указать это на письме соответствующими огласовками. Расширение контекста (включая культурный) устраняет неоднозначность записи: *pcla s cla splzla cla*.

Апостроф в качестве огласовки следует отличать от апострофа в качестве одиночной кавычки. Трудности возможны только при появлении мягкой согласной в конце цитаты. Использование двойных кавычек позволяет избежать возможных недоразумений.

Указание ударений апострофом после гласной встречается в литературе; в нашем случае это удобно, поскольку практически невозможно спутать такой апостроф с узкой медиалью. Например, в тексте *o'a* апостроф однозначно интерпретируется как знак ударения: знак склейки возможен только после согласной, и в огласованном варианте узкую склейку следовало бы передать как *ou'a* или, в совершенно экзотических случаях, *o-'a*. При переходе к уникоду, знак ударения можно заменить верхней вертикальной чертой (´) — это общепринятое обозначение.

Хотя широкая медиаль подразумевается по умолчанию, явное введение специального знака для ее обозначения полезно, если мы, например, не желаем полностью огласовывать текст, но хотим избежать разночтений в данном конкретном употреблении буквы.

Для букв, которые (с разными огласовками) могут обозначать несколько звуков, полезно уметь обозначать на письме основной, неогласованный вариант (хотя он и подразумевается по

умолчанию). Для этого мы просто подчеркиваем соответствующую букву — а при отсутствии такой возможности вставляем знак подчерка после буквы.

Лигатуры и опции

В соответствии с принципом компактности, на письме рекомендуется ограничиваться минимально необходимым набором знаков. Все, что подразумевается из контекста, можно смело опустить. Если сравнивать такую сокращенную запись с полной фонетической, выглядит это как стягивание (свертывание) нескольких знаков в один (лигатуру), который в данном контексте представляет развернутый вариант.

Например, закрытые гласные [a], [э], [o], [y] в начале слога почти всегда йотируются. То есть, нет слогов '-a-', '-e-', '-o-', '-u-' — а есть слоги '-ya-', '-ye-', '-yo-', '-yu-'. Понятно, что в таких ситуациях букву у можно смело опустить. Конечно, полная запись бывает иногда удобнее (чтобы отличить *oda* от *yoda* — или союз *a* от местоимения *ya*). Но в предложении *eziki exali na ug* вполне достаточно лигатур. То есть, мы стремимся к минимальности — но в разумных пределах. Аналогично в середине слова: *poexali, daut, zaem, roet, souz*, или даже *poas*, — но: *bayan, mayak, mayor, zilyo*. По-русски тут чаще узкая медиаль; а *poet, maasdam, demiurg* — это иностранщина...

Хотя разделять лексемы дефисами полезно (и это рекомендуемая практика), можно обойтись записью *pdyezd*, или даже *pdez*, вместо *pd-yezd*, — тоже лигатура. Точно так же, возможно слово веселье записать как *vselie*, понимая *i* как лигатуру для '-у'.

К числу лигатур можно также причислить общепринятые сокращения: *см., напр., и т. д.*²¹ Более того, лигатурами могут становиться слова (как в церковнославянском) или даже целые фразы (как и в арабском языке). Понятно, что перечислить все возможные комбинации никто не сможет — и каждый вправе по случаю изобрести что-то свое. Невозможно заранее предсказать, какие альтернативные способы записи окажутся полезнее вчера, сегодня и завтра.

В рамках таблицы символов ASCII, мы вводили лигатуры *c* и *j* для *ts* и *dz*. При оформлении текста часто есть возможность расширить набор знаков, используя разные кодовые таблицы или уникод. Так, в европейских языках принято добавлять к буквам диакритические знаки там, где мы говорим об огласовках.²² Такие опции бывает удобно использовать и при письме от руки. Несколько примеров:

комбинации	лигатуры	примеры
'a 'e 'i 'o 'u	á é í ó ú	<i>mílo, méra</i>
`a `e `i `o `u	à è ì ò ù	<i>mìlo, èto</i>
sh ch	ş ç	<i>şok, çaynik</i>
zh	z или z	<i>plaz, zal</i>
a: e: i: o: u:	ä ë ï ö ü	<i>führer</i>
a~ i~ o~ u~	ã ã õ ù	<i>pardõ</i>
n~	ñ	<i>señor</i>
.	э или °	<i>pэд, xoc°t</i>
s_ z_ t_	š ž t̄	<i>kriša, žal, tara</i>
...	...	многоточие
---	—	тире
" "	“ ” « » „ “	двойные кавычки
' '	‘ ’ ‹ ›	одинарные кавычки
< >	⟨ ⟩	угловые скобки
#	№	номер

²¹ Вспомним о весьма развитой культуре сокращений в латинских надписях, с ее сугубо экономическими корнями. Без знакомства с этой традицией не может обойтись ни один латинист.

²² В школьной немецкой орфографии нас учат наоборот: буквы *ä, ö, ü, ß*, якобы, могут в особых случаях быть представлены сочетаниями *ae, oe, ue, ss*. В других учебниках считаю первичными именно двухбуквенные сочетания, а одинарные знаки — общепринятым сокращением. Почему бы и нет? — различие огласовок и лигатур относительно.

Правилами допускается сочетание разных вариантов записи одного и того же. Разумеется, злоупотреблять этим нельзя — и в рамках одного текста рекомендуется придерживаться чего-то определенного. В частности, это касается русскоязычного представления для иностранных слов. Там, где слова давно вошли в язык и достаточно «обрусели», рекомендуется писать их в соответствии с правилами русской фонологии. В качестве альтернативы — включение иностранных слов в их оригинальном написании (как это принято в большинстве систем письма на базе латиницы). Разумеется, кто-то может попытаться прочесть такую запись на русский манер — и это будет далеко от исходного звучания. Но та же проблема возникает и в других языках с письменностью на основе латиницы (ср. хотя бы название города *Buenos Aires* по-испански и по-французски). Однозначного решения нет. Поскольку мы с самого начала отбрасываем жесткую нормативность орфографии, допускаем сосуществование альтернативных вариантов, комфортное использование опций и лигатур становится делом индивидуального вкуса и культурной традиции.

По возможности, иностранные слова (прежде всего, имена собственные) рекомендуется записывать как в оригинале: *Paris, New York, William Shakespeare, d'Artagnan, Coelho, Karl Marx, Hacı Murat, capriccio, caballero, boutique...* Однако допускаются и «обрусевшие» варианты: *subyekt (subject), konyak (cognac), mantilya (mantilla), kseroks (xerox)...* Мы понимаем неизбежную условность представления звуков буквами, и потому разрешаем широкое употребление «нефонетической» записи. Например, мы не заменяем сочетания типа *-au-*, *-eu-*, *-ou-* на русифицированные *-av-/-af-*, *-ev-/-ef-*, *-u-* — хотя бы мы и знали, что в оригинале они читаются именно так. В словах иностранного происхождения *h*, *ph*, *x* почти всегда читаются как [г], [ф], [кс]. Это не отменяет других вариантов написания (и чтения). Умеренность в употреблении того или иного способа записи опять-таки целиком на совести автора.

Несколько примеров возможной нефонетической записи приведены в таблице:

лексема	транскрипция/альтернатива	примеры
<i>acc</i>	<i>akk</i>	<i>accumulator saccada</i>
<i>asm</i>	<i>azm</i>	<i>enthusiasm marasm</i>
<i>audio</i>	<i>a-udi-o</i> или <i>awdi-o</i>	<i>audiozapis</i>
<i>aut</i>	<i>avt</i> или <i>awt</i>	<i>author astronaut automat autograph</i>
<i>camp</i>	<i>kamp</i>	<i>campus hyppocamp</i>
<i>co</i>	<i>ko</i>	<i>covariant</i>
<i>col</i>	<i>kol</i>	<i>collaborationist colloquium</i>
<i>com</i>	<i>kom</i>	<i>commutator</i>
<i>con</i>	<i>kon</i>	<i>concurent</i>
<i>eu</i>	<i>ev</i> или <i>ef</i> или <i>ew</i> или <i>ey</i>	<i>euthanasia euharistia euphoria</i>
<i>ex</i>	<i>eks</i>	<i>ex-ministr exterieir</i>
<i>holo</i>	<i>golo</i>	<i>holographia</i>
<i>homo</i>	<i>gomo</i>	<i>homophobia</i>
<i>hydro</i>	<i>gidro</i>	<i>hydrolog</i>
<i>hypo</i>	<i>gipo</i>	<i>hyposulfit</i>
<i>ios</i>	<i>ioz</i> или <i>yoz</i>	<i>seriosny odiozny curiosny grandiozny</i>
<i>ism</i>	<i>izm</i>	<i>communism kataklism</i>
<i>just</i>	<i>yust</i>	<i>justitia justirovka</i>
<i>pseudo</i>	<i>psevdo</i> или <i>psewdo</i>	<i>pseudographika</i>
<i>gua</i>	<i>gv</i> или <i>gw</i>	<i>guardia</i>
<i>oi</i>	<i>ua</i> или <i>wa</i>	<i>voil toilet trotoir</i>
<i>ou</i>	<i>u</i>	<i>routina grouppa</i>
<i>phys</i>	<i>fiz</i>	<i>astrophysika physiologia sophism</i>
<i>psych</i>	<i>psix</i>	<i>neuropsychologia</i>
<i>qu</i>	<i>kv</i> или <i>kw</i>	<i>aquapark sequestr quant</i>
<i>th</i>	<i>t</i> или [θ] или [ð]	<i>atheist theatr python theorem</i>

Как видим, в одном слове допускается свободно смешивать разные стили написания — по вкусу и по мере удобства. Полезно иметь в виду также варианты записи с полугласной *w* [ÿ] — именно

так, по большей части, мы и говорим. В словарях нужно приводить «иностранные» формы — это облегчает русскому языку вращение в мировую культуру. Но «транскрибированные» варианты ничем не хуже — и мы вправе широко использовать их в текстах, ориентированных на русского читателя. Такие основы будут представлены отдельными словарными статьями (со ссылкой на одну из форм — например, первую по алфавиту).

Особые знаки

Стандартом в русском языке считается десятичная система счисления. Для записи чисел используются обычные цифры: 0, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Шестнадцатеричные цифры больше 9 традиционно обозначаются буквами A, B, C, D, E, F. Вещественные и комплексные числа (а также обобщенные числа, такие как кватернионы и октонионы) записываются в соответствии с общепринятой математической нотацией. Допускается также использование римской записи для чисел, по обычным правилам (как заглавными, так и прописными буквами): *xciii*, *MCMXCIX*.

Для отделения целой части числа от дробной используется точка или запятая — оба способа равно допустимы, хотя смешивать их в одном контексте не рекомендуется. Для разделения групп разрядов при записи больших чисел в русском языке обычно используют пробел.

Запятая и точка с запятой широко используются в перечислениях.

Для обозначения математических операций и отношений используются знаки + - * / = < > (а также иногда $\sim$ $\wedge$ $\#$ $\&$ $\%$ $\backslash$ $|$). Вместо минус возможно использование символа уникода $-$, а вместо знака умножения * используются знаки уникода $\times$ или $\cdot$.

Цифры, числа, формулы и прочие математические объекты считаются словами языка.

Один и тот же знак - используется в качестве общего обозначения для дефиса, знака вычитания, и различных видов тире, которые при необходимости можно уточнить огласовками: -- (короткое тире, $-$), --- (длинное тире, $-$). Например, знак -- удобно использовать для обозначения диапазонов (взятых как целое, не предполагающих перечисления, движения от нижней границы к верхней): 1.5–3.14 (сплошной отрезок действительной оси), $r-z$ (множество букв).

Последовательность двух точек (возможно, отделяемая с двух сторон пробелами) служит для записи перечислений и пределов изменения: 1 .. 3 читается как «от одного до трех», 4.5 .. 10 предполагает возрастание от 4.5 до 10. Там, где это ясно из контекста лигатура 1:3 может означать 1 .. 3, а вовсе не отношение «один к трем»: 1/3.

Три точки ... (с лигатурой ...) — это обычное многоточие.

Смысл ряда знаков (таких как @ # % & . `) определяется преимущественно культурным и тематическим контекстом. Автор вправе «переопределять» любой знак и использовать его в тексте по-своему.

Морфология

Определившись с изобразительной стороной письменности, можно перейти к творческой части программы: привести систему письма к согласию с языковой логикой, отразить в ней менталитет носителей. Конечно, можно было бы остановиться на уже достигнутом, писать как слышится и говорится, не заморачиваясь историко-культурными изысканиями. Этот, так сказать, вульгарный уровень языка вполне востребован и с лихвой перекрывает бытовые потребности широчайших масс. Однако помимо синкретической повседневности у нас есть пока способность рефлексии: мы не просто говорим, а еще и думаем над тем, как бы это сказать лучше... Занятие не для всех — но допустим, что человечество не вымрет в обозримом будущем, и думающих станет больше, а в идеале и все человечество придет к какому ни на есть разуму.

В развитии всякого языка взаимодействуют две противоположных тенденции. Кое-где преобладает упрощение лексики, свертывание ее в неразложимые элементы, которые удобно комбинировать внешним образом. Другие языки, наоборот, стремятся одним словом выразить полный пакет жизненных обстоятельств, усложняют практику словопорождения. Русский язык в этом диапазоне располагается ближе к какой-то из середин: с одной стороны, мы признаем, что все состоит из самостоятельных лексем (слов) — но при этом чаще всего оказывается, что слова

склеены из обобщенных фрагментов (морфем), каждый из которых отвечает за определенную семантику (пусть даже невыразимую отдельным словом). Другая сторона того же самого: при внешнем соединении слов приходится приспособлять одно к другому, изменять их внутреннее строение и внешний вид. Все это было бы интересно представить и в системе письма — не рефлексивном уровне письменной речи.

Как и в большинстве других языков, звуки русского языка в речи подвержены влиянию соседей и зависят от интонационной динамики. Существуют местные, диалектные, а также ситуативные, экспрессивные и эмфатические варианты произношения. Попытки исходить из фонетического принципа вызывают логичный вопрос: как (и стоит ли) отображать эту изменчивость произношения на письме? Большинство систем письменности отказывается от попыток следовать за фонологией и принимает некоторую абстрактную систему записи в качестве языковой нормы — а значит, и критерия грамотности. Выбор оказывается исторически случайным, без внутренней логичным, по произволу академических инстанций. Заучивать такую орфографию сложно даже носителю языка — и еще труднее иностранцу.

Мы с самого начала отвергаем идею нормативности и призываем к осознанному выбору вариантов написания. Да, одно и то же позволительно записывать разными способами, и это не ошибка, пока подобные вольности так или иначе воспринимаются читателем. Автор вправе подчеркнуть на письме либо значения лексем, либо их произношение. Автор выбирает, включить лексему в состав слова — или сделать отдельным словом, а может быть, включить — но отделить дефисом. Это не произвол, а выразительность, — одно из средств передачи интонации и смысла, характера общения и строения деятельности.

Тем не менее, из чего-то в этом творчестве надо исходить — и потому полезно иметь для наиболее употребительных лексем некоторый исходный («словарный») вариант записи. Такие точки опоры не предписывают произвольно — они складываются в практике письма. Все последующее следует воспринимать лишь как рекомендации для выбора типовых форм, демонстрацию возможностей.

Лексическое деление практически никогда не совпадает со слоговым или просодическим. Фонетическая структура: *ко+л+ба, п+ри+о+б+ще+ни+е, о+ду+ра+че+н+ны+й...* По смыслу: *колба, приобшеченые, одураченный*. И то, и другое в компактной записи выглядит совершенно одинаково: *kolb, prbsenie, dracny*. Если же исходить из антифонетического принципа, каждая морфема выписывается независимо от редукции или ассимиляции, в словарной форме: *priobsenie, oduracenny* — это нам как-то привычнее. Прогресс, тем не менее, есть: мы не постулируем столь подробную запись в качестве обязательной для всех нормы — это лишь один из возможных вариантов, предпочтительный в одной ситуации и неуместный в других. Если кто-то напишет *aduracinni* — это не всегда безграмотность, а только при отсутствии в такой огласовке осмысленного намерения.

С другой стороны, пускать дело на самотек тоже не хочется. В конце концов, язык складывается в нечто культурно определенное только при наличии устойчивых образцов — при сколь угодно творческом к ним отношении. А значит, само разнообразие трактовок допускает систематизацию и становится таким образом частью языковой логики.

Для определенности, можно опять обратиться к (слишком) привычным фонологическим соображениям. Ни одна фонема не существует сама по себе: она вписана в как в ближайшее окружение, так и в глобальный речевой контекст. Качество фонемы зависит, таким образом, и от ее взаимодействия с непосредственными соседями — и от культурных задач (например, рифма и звукопись в поэзии). Это подобно тому, как погоду на Земле делает не только движение вокруг Солнца — но и движение солнечной системы как целого вокруг центра Галактики (чего упорно не замечают разного рода борцы за экологию). Из всего разнообразия возможных изменений выделим два типичных процесса: уподобление предшествующим или последующим звукам (ассимиляция) и свертывание каких-то артикуляций в речевом потоке (редукция). В пределе редукция может привести к «выпадению» фонемы — но ее следы всегда остаются, поскольку оставшиеся фонемы делят утраченное меж собой.

Обычный пример ассимиляции — озвончение или оглушение русских согласных под влиянием следующего за ней звука. Редукция гласных связана, в частности, с различиями

произношения в ударной и безударной позициях. Однако такие видоизменения не отражаются на семантике морфем: они продолжают выполнять те же лексические функции. А значит, есть повод стандартизировать написание, выделив несколько типовых вариантов.

Заметим, что, в зависимости от контекста, каждая лексема может находиться в сильной или слабой позиции — и выступать, соответственно, в полной или редуцированной форме. Это не зависит от того, представлена ли она отдельным словом — или является частью составной лексемы (как в слитном написании, так и в эмфатическом, через дефис). Полная форма, как правило, используется в ударных слогах, — но может возникать где угодно (например, из соображений однозначности понимания, или в особых метроритмических условиях). Полные формы лексем, как правило, различны; редуцированные формы могут быть одинаковыми. Если надо уточнить, из каких лексем состоит составная лексема — разделяем морфемы дефисом.

Мы стремимся к единообразному графическому представлению лексем: все возможные вариации сводятся к различению полной и редуцированной форм, а в остальном написание не должно зависеть от окружения — при возможных фонетических изменениях.²³ Ассимиляцию и разные варианты редукции возможно отобразить на письме — но такая (фонетическая) запись обращает на себя внимание и указывает на особый контекст. В обычных условиях компактной (редуцированной) записи вполне достаточно.

В русском языке основные семантические различия связаны с так называемыми корнями слов. В реальной жизни выделить корень в слове бывает непросто; иногда он полностью растворяется в других морфемах. С другой стороны можно превратить служебные лексемы в корни: *никаких «но»!* — *а кто сомневается, называются «нолики»*... Сложные слова могут объединять несколько корней. Но общий принцип тот же: полная форма используется в сильной позиции, в остальных случаях следует употреблять редуцированную форму, — но и та, и другая пишутся единообразно, независимо от произношения.

Например, мы принимаем полную запись *-let-* и слабую форму *-lt-* для корня с семантикой полета — и будем писать эту лексему только так, независимо от фонетических предпочтений: *ltat'*, *prltel*, *letck* (а не *lock*), *pletzdanie* (а не *plodzdanie*). Точно так же, все еловое выражается корнем *-el-*; отсюда: *el'*, *elovy*, *elka* (а не *yolka*).

По счастливой случайности, наш выбор лексикографических соответствий позволяет учесть некоторые (хотя и не все) типичные чередования корневых согласных: *-лик-*, *-лиц-* и *-лич-* у нас записываются совершенно одинаково (*lic*) и читаются по правилам: *lico*, *licnst'*. Аналогично *krica* естественно превращается *kricnyu*, *polca* в *polcka*, *oco* в *ocki*, *trsat'* → *tresnt'* или *tresk*. Заметим, что полная и слабая формы корней *-lic-* и *-oc-* совпадают, хотя в фонетической записи мы увидели бы: *.bl.covk.*, *.c.vidn.* и т. п. (о записи окончаний см. ниже). Так наша латиница будет удобнее для читателя (принцип естественности).

Не получается, вроде бы, столь же просто разделаться с чередованием [т] и [ч]: *хотеть*, *хотим*, *хотят*, *хотел* — но: *хочу*, *хочешь*, *хочет*. Но у нас есть полностью огласованная запись звука [ч] как *tsh* (а запись *c* или *ch* всего лишь лигатура); без огласовки остается просто *t*. Поэтому выберем в качестве стандартного корня *-xot-*, и тогда надо лишь запомнить, что в записи *xtu*, *xots*, *xott* просто опущены огласовки (которые мы при необходимости запросто восстанавливаем лигатурой *c*); это визуально отличается *xtet'*, *xtim*, *xteli*.

Согласуется это с духом языка? Еще как! Дети (а иногда и взрослые) говорят: *хотю*, *хотишь*, *хотим*. С другой стороны, японское *chi* в русской транскрипции пишут как [ти] (следуя логике японской слоговой азбуки). В латинице мы имеем полное право писать и *chi*, и *ti*, и *ci*, и *tsi*. Точно так же как японское *sushi* можно съесть и в русской традиции: *susi*.

Как в кириллице, так и в латинице возможны совпадения в записи разных слов, и правильная интерпретация возможна только по контексту: *стекла* — это существительное в родительном падеже или глагол в прошедшем времени? Но у нас есть возможность поиграть формами лексем, чтобы в каких-то случаях снять неопределенность. Например, существительное мы пишем как *stklo*, а глагол, по вышеупомянутому стандарту пишется как *stet'* (= *stech*). Тогда слова *stekla*, *sikla* и *stcla* выглядят в латинице по-разному.

²³ Это обычная практика во всех языках. Ср. написание и произношение японских *симбун*, *иппон*.

В собственно русских словах корни достаточно просты: длинные слова, в основном, прирастают аффиксами (модификаторами). Перед корнем часто появляется одна или несколько приставок. Они во многом родственны корням, и могут записываться отдельным словом (предлоги, частицы). Они могут быть ударными и безударными, в сильной или слабой позиции. При необходимости обратить внимание, приставка отделяется от корня (или другой приставки) дефисом. Некоторые приставки (*воз-, раз-, пере-*) в современном русском языке отдельно не употребляются; есть также предлоги (*вдоль, сквозь*), которые неупотребительны в качестве приставок. Но почему бы не применить к ним общие правила, с возможностью полной эмансипации? Вспомним про предлог *внутри* — и слова *внутри, внутренний* (или *перед = перёд*); различие приставок и корней тут становится чистой условностью. Добавление приставки формально ничем не отличается от образования сложного слова.

Как обычно, мы стремимся к единообразному написанию предлогов, частиц и приставок в любой позиции, независимо от ассимиляции и редукции. Некоторые типичные случаи собраны в таблице:

полная форма	редукция	примеры	фонетика
<i>bez</i>	<i>bz</i>	<i>bezdr beztlc bzliky bzbrazie</i>	<i>bestlku</i>
<i>cerez</i>	<i>crz</i>	<i>cerezplosca crzmeny</i>	<i>cerescur</i>
<i>do</i>	<i>d</i>	<i>donlza dstatk vdgonku</i>	<i>dastig</i>
<i>iz</i>	<i>z</i>	<i>izdvna izksa zmennk zgoy</i>	<i>isterika</i>
<i>mez</i>	<i>mz</i>	<i>mzzvezny</i>	<i>msplnetny promiz glaz</i>
<i>meжду</i>	<i>mzd</i>	<i>mezdurecie mzdgrodney</i>	<i>mizdu tem</i>
<i>na</i>	<i>n</i>	<i>nadvoe navznic nrod nstroy</i>	
<i>nad</i>	<i>nd</i>	<i>nadpis nadday ndstroyka</i>	<i>ntsznanie</i>
<i>ne</i>	<i>n</i>	<i>neкто nekгда neбил nexota nznanie</i>	
<i>ni</i>	<i>n</i>	<i>ni zgi nkto nkgda nkcemny</i>	
<i>o</i>	<i>o</i>	<i>okrug opit okraina</i>	<i>abet</i>
<i>ob</i>	<i>ob</i>	<i>oblic obman</i>	<i>apstavit'</i>
<i>ot</i>	<i>t</i>	<i>otziv tgul tmena</i>	<i>atkorm actoy addel ocvit</i>
<i>одно</i>	<i>odn</i>	<i>odnoznacny odnboky</i>	
<i>около</i>	<i>okl</i>	<i>okolonaucny oklotk oklzemny</i>	
<i>pere</i>	<i>per</i>	<i>perevaz perkus perkrestk</i>	<i>piriezd</i>
<i>перед</i>	<i>prd</i>	<i>pered nimi</i>	<i>pirit pasxoy</i>
<i>po</i>	<i>p</i>	<i>po-nad pspesny</i>	<i>pa param</i>
<i>pod</i>	<i>pd</i>	<i>podcerk pdlog</i>	<i>pacvetka pattasovka</i>
<i>posle</i>	<i>psl</i>	<i>poslevkusie</i>	<i>paslideystvie</i>
<i>pre</i>	<i>pr</i>	<i>prelst predny prvznsit'</i>	
<i>pred</i>	<i>prd</i>	<i>pred-zakaz prdlog prdmet</i>	<i>prctavitel</i>
<i>pri</i>	<i>pr</i>	<i>pristup prikus prkaz prstavka</i>	
<i>raz</i>	<i>rz</i>	<i>raznica rzgon rzlicie rzgvor</i>	<i>rssol</i>
<i>roz</i>	<i>rz</i>	<i>roznica rozvalni</i>	<i>roskzni</i>
<i>so</i>	<i>s</i>	<i>soslepu stasit smena skrit</i>	<i>zbros</i>
<i>so</i>	<i>s</i>	<i>sostav sobran skleit' syezd svaz</i>	<i>zgovr</i>
<i>su</i>	<i>s</i>	<i>sutki sustav stik</i>	
<i>sverx</i>	<i>svrx</i>	<i>sverx meri svrxestestvenny</i>	
<i>u</i>	<i>u</i>	<i>udal' ustav uxod</i>	
<i>vo</i>	<i>v</i>	<i>vovrema vxod vpros</i>	
<i>voz</i>	<i>vz</i>	<i>vozgl vzos vzbzden</i>	<i>vsstanie</i>
<i>za</i>	<i>z</i>	<i>zatemno zagovor zmcanie</i>	<i>z-ocny</i>

В последней колонке приведены нестандартные варианты написания, которые в обычной письменной речи использовать не рекомендуется (но в эмфатической — почему бы и нет?).

Некоторые лексемы существуют в нескольких вариантах. Например предлог *перед* может употребляться с акцентом на первом слоге; в слабой позиции ритмически второй слог — отсюда «сокращенная» форма предлога *пред*, которая обычно становится основной формой приставки. Особый случай — предлог/приставка *с* (*со*), которая в русском языке существует в двух вариантах, с разной этимологией: от *съ* идет семантика удаления (с поверхности, с глаз долой), тогда как происхождение от *су* указывает на объединение, совместность (отсюда: *союз*). Первый вариант чаще всего представлен редуцированной записью *s* — но иногда используется и полная форма *so*. В качестве приставки сохранилась и архаичная форма *su* (кластер [o/y]).

В некоторых приставках (предлогах) в кириллице пишут «соединительную» гласную: *отоспаться, изо льда, обогнать...* Поскольку на самом деле имеется в виду открытый вариант шва (*передь мной*), в латинице специальные изобразительные средства не требуются: на стыке согласных шва подразумевается по умолчанию.

За основу мы берем «словарное», неассимилированное написание лексем. Последняя согласная предлоги или приставки на письме не оглушается и не озвончается перед глухой и звонкой начальной согласной следующей лексемы.²⁴ Есть разные варианты произношения — и мы не обязаны отдавать предпочтение какому-то одному («нормативному»).

Поскольку способ записи не следует за фонетическими изменениями, полное написание лексем во всех позициях — один из допустимых вариантов. Это выбор автора, его ориентация на определенную целевую аудиторию. Скажем, в научной статье или официальном документе такой выбор может быть уместным. В неформальном общении использование общепонятных сокращений — обычная практика;²⁵ огласовки и переход к полным формам так или иначе связаны с интонационным выделением (эмфатическим или уточняющим). В словари следовало бы включать статьи как для полных, так и для редуцированных форм — со ссылкой на полное написание.

Иностранные приставки во всех позициях будем писать, как в оригинале: *ad, anti, de, ex, extra, hyper, maxi, mega, mini, pro, ultra...* В слитном написании, рекомендуемая практика — отделять их от остальной части слова дефисом: *mini-ubka, ultra-pravy, super-market* (в последнем случае слитное написание означало бы заимствование слова целиком, неразрывной идиомой). Однако возможно и «русифицированное» написание, с уместной редуциацией: *eks (x), giper (gpr), maks (mx), kvasi (kvs)...*

В идеале, способ написания лексем (слитное, раздельное, через черточку) должно быть осмысленным, вытекать из ситуации и намерений автора. Любая орфография нас в каком-то контексте устраивает. Если несколько лексем складываются в составную лексему, употребляемую как целое, — слитное написание имеет право на существование: *nefontan*. Где речь идет, скорее, о сопоставлении разных лексических функций — предпочтительнее раздельное написание; ср.: *nekgda — ne kgda, podgru — pod gru*. Как то, так и другое допустимо в полном или редуцированном варианте. Написание через дефис — нечто промежуточное: слово передает единое значение — но по каким-то причинам необходимо подчеркнуть его структуру, показать входящие в него (по мнению автора) лексемы. Например, традиционное написание *исподлобья* допускает семантически различные трактовки: *spdlobya, izpd-lobya, iz pdlobya, iz-pod lobya* или даже *is-pdlo-bya*. Ответственность за точность речи, как обычно, целиком возлагается на автора (или интерпретатора).

Редукция и ассимиляция, вообще говоря, меняют ритмический рисунок речи, просодию. Полное написание намекает на замедленную постепенность; компактная запись выстреливает в читателя целостным значением. Интонационно меняется не только звучание — визуальное восприятие текста откликается на особенности графики, а графические интонации тесно связаны с интонированием во внутренней речи и характером мышления. Редукция влияет и на правила переноса: слог с редуцированной гласной не следует оставлять на строке в одиночестве.

²⁴ Одно время по-русски так и писали: *разсвет, воссоединение...* Следы остались и сейчас: *подтверждение*.

²⁵ Ср. широкое использование аббревиатур в интернет-чатах и смс.

Еще одна обширнейшая тема — русские суффиксы. Как правило (хотя и не обязательно), они выступают лишь в качестве морфем и не существуют как отдельные слова. Семантика суффикса — модификация семантики корня, наподобие того, как в традиционной грамматике определения и обстоятельства модифицируют главные члены предложения (подлежащее, сказуемое, прямое дополнение). В отличие от предлогов (которые тоже в какой-то мере можно считать модификаторами), суффиксы «врастают» в корень, становятся его неотъемлемой частью. С общеполитической точки зрения, можно было бы сказать, что суффикс выражает несущественные вариации в пределах того же качества, тогда как приставка может изменить само это качество. Ср.: *мини-лампа* — *лампочка*, *предположение* — *положеньице* (и вполне возможно: *мини-лампочка*, *предположеньице*). Конечно, противоположность категорий качества и количества существует только внутри чего-то их объединяющего (что в философии называют мерой); достаточно посмотреть на дело в ином ракурсе — и различие снимется.

Грамматические справочники перечисляют десятки суффиксов; для каждого действуют особые правила написания в разных позициях. Нам такая жесткая нормативность не устраивает. В идеале, хотелось бы сохранить общие принципы написания: унифицированный полный вариант в сильной позиции — и редуцированная форма в слабой. И построить что-то аналогичное таблице предлогов:

суффикс	редукция	примеры	фонетика
-ac-	-c-	<i>kulac znac kulcok znacok</i>	
-an-	-n-	<i>steklanny pderzny</i>	
-ar-	-r-	<i>zvnar zvnri</i>	
-asm-	-sm-	<i>srcasm mrsmatic</i>	.rgazm
-ast-	-st-	<i>usasty srksticsky</i>	
-at-	-t-	<i>crevat prklatie prokltly</i>	
-av-	-v-	<i>molozavy drzava rzvet'</i>	
-en-	-n-	<i>zncenie skazenny velno ucnik nrmalny valnki</i>	
-ec-	-c-	<i>podlec strdalc krmile</i>	<i>krmil'ca</i>
-ic-	-c-	<i>stric puhvic strcok</i>	<i>st.rik</i>
-ic-	-c-	<i>tupica kurica zadnca</i>	
-ik-	-k-	<i>zmock kluck</i>	
-in-	-n-	<i>bgina dubinka zvalnka</i>	<i>b.gina</i>
-is-	-s-	<i>malis persko</i>	<i>perisko</i>
-ism-	-sm-	<i>trgism sadsmulka</i>	
-ist-	-st-	<i>pusisty usasty blstat' msticsky</i>	
-iv-	-v-	<i>igrivy dgadlvy</i>	
-ok-	-k-	<i>brusok devka moracka</i>	
-l-	-l-	<i>stily podduvalo rublny</i>	
-n-	-n-	<i>glasny rvany velenie rucnik hldilnk obicny</i>	<i>vstro-nny</i>
-oc-	-c-	<i>pltoc kloc mrocit' pltock klcok kurcka</i>	<i>dam.cka</i>
-ok-	-k-	<i>brusok moracok devka moracka</i>	
-on-	-n-	<i>betonny polny²⁶</i>	
-ov-	-v-	<i>ivanov laskvy startvy strvato</i>	
-ul-	-ul-	<i>ddula</i>	<i>d.dula</i>

Иллюстрация не слишком убедительная. Но общее представление о стилистике получить можно. А дальше — свобода творчества. В последней колонке приведены варианты, которые полезны, если внимание читателя следует привлечь к произношению, а не смыслу написанного.

²⁶ *Полный* — от *полон*, *обычный* — от *обычен*, *сильный* — от *силен*. Это обыкновенная редукция, которую мы не всегда замечаем в рамках действующей орфографии.

Пристальный взгляд обнаруживает, что лексических модификаторов в русском языке вовсе не так много, как по школьным учебникам. Например, с точки зрения лексического строения, суффиксы *-an-* *-en-* *-in-* *-on-* следовало бы разделить: гласная идет от модифицируемой основы, а универсальный суффикс *-n-* намекает на «причастие прошедшего времени»: нечто было совершено либо само по себе, либо применено к чему-то. Аналогично, независимо от предшествующей гласной, единый суффикс *-t-* выражает «пассивную результативность» — завершенное действие над чем-либо, придание дополнительных свойств.

Суффикс *-k-* по семантике то же самое, что *-c-* (во всех огласовках). Это частичность, причастность чему-то и, соответственно, вторичность. Отсюда идет уменьшительный, а иногда и уничижительный оттенок; в частности, положение женщины в древнем обществе «выводит» ее из мужчины: это его часть, его собственность, полностью ему подвластная: *сам* — *самка*. Использование буквы *c* оправдано с точки зрения графического единообразия при чередовании фонем. Однако последовательное проведение этого принципа наталкивается на психологический барьер:

печь = *pe+ec* → *pec*
печка = *pe+ec+ec+a* → *pecca*
печечка = *pe+ec+ec+ec+a* → *peccca*

Корень *-pe-* редуцируется в *-p-*, но вызывает ассимиляцию формы суффикса (закрытый вариант). По жизни, душа не принимает не больше двух повторяющихся суффиксов — и мы меняем основу: не *печечка*, а *печурочка*. Соответственно, приходится огласовками разводить звучания в графике: либо *pecca*, либо *pecka*.

Точно так же, «суффиксы» *-анк-* или *-онк-* суть составные лексемы: *-a+n+c-*, *-o+n+c-* (*перепонка* → *перепоночка* → *перепончатый*). И так далее. Универсалии можно пересчитать по пальцам одной руки. Однако докапываться до тонкостей внутреннего устройства внешне простых вещей — особая задача, и это не всегда именно то, к чему мы стремимся в общении. Упрощенная, «полуэмпирическая» запись нас, как правило, вполне устраивает. Так стоит ли огород городить? Зачем нам тратить время на лексикографические расследования? Мы же против единых правил — так разрешим себе поступать неправильно. Поскольку такая вольность осознанна и осмысленна, это не признак бескультурья, а показатель развитой, иерархически устроенной культуры.

В нулевом приближении, можно пойти по пути наименьшего сопротивления и говорить не о суффиксах самих по себе (как самостоятельных лексемах), а о разных формах «основы», понимаемой как корень+суффиксы. Тем более, что присоединение суффикса иногда связано с фонетическими (и графическими) изменениями основы: *мех* → *мешок*, *кот* → *кошка*, *книга* → *книжка*. В реальной жизни бывает трудно развести корни и суффиксы: *болванка* — это *болв+ан+ка* или *болван+ка*? А незамысловатая *песенка* указывает на скрытую сложность корня в слове *песня*: на самом деле это *pe+s+en+i+a*. Никакие буквоедские правила тут не помогут.

Например, в школе учат: чтобы правильно писать уменьшительные суффиксы *-ек* и *-ик* надо образовать родительный падеж, и если гласная выпадает — то пишется *e...* Предложение совершенно глупое: в реальном произношении *замоч(е)ка* не отличается от *ключика*: в обоих случаях гласная редуцирована до неопознаваемости. То есть, чтобы правильно писать в именительном падеже, надо знать, как писать правильно в родительном. И наоборот. В латинице мы с самого начала учитываем редукцию — а качественно неопределенный звук в слабой форме все равно какой буквой обозначать (это лишь приблизительный намек на реальное звучание). Но лучше не обозначать вовсе.

Как обычно, автор имеет право смешивать разные варианты написания, играть звуками и ритмами, подчеркивать те или иные структурные элементы — вплоть до выделения их дефисами, или даже распада слова на отдельно стоящие лексемы. В относительно нейтральной, «беглой» письменной речи — предпочтительны компактные, редуцированные формы. Как ни странно, именно редукция делает письменную речь понятнее. Действительно, слова *улика* и *улица* различны в кириллице, и позиция ударения восстанавливается по смыслу. Полное написание в латинице потребовало бы простановки ударения: *uli'ca* (u+lic+a), *u'lica* (ul+ic+a). В стандартном (компактном) написании проблем нет: *ulica* ≠ *ulca*. Одно дело — *treptsа*, другое — *trpica*.

Разумеется, это не всегда так: омографы бывают в любой системе письма (за исключением, может быть, совершенно искусственных формальных языков, типа логлана). Однако по контексту всегда можно понять, будет слово *plac* означать *поляк*, *плац*, *плач* или *палач* (хотя общность написания может в данном случае кого-то навести на грустные мысли).

Графическое представление суффиксов во многом зависит от языковой культуры. В истории русского языка лексемы подвергались неоднократным видоизменениям. Учитывая, что большинство суффиксов уже свернуты до упора (например, популярнейший суффикс *-н-* в нескольких семантических вариантах), лексическое членение — дело непростое. Даже ученые этимологи меж собой не могут договориться. Однако для народных масс интуитивных представлений зачастую более чем достаточно. Даже если народная этимология выглядит совершенно фантастически — она выражает определенный пласт языкового сознания, мимо которого сколько-нибудь серьезная наука проходить не имеет права.

Например, чем различаются слова *поле*, *море* — и *располье*, *взморье*? Скрытым (редуцированным) суффиксом *-и-*: *располь-и-е*, *взморь-и-е*, *велич-и-е*, *изобиль-и-е*... За этой виртуальной буквой стоит очень даже реальная семантика: движение вширь, распространение, раскрытие. Поэтому в латинице мы предпочтем сохранить этот суффикс в редуцированной форме: *v.lis-i-ye* — или в компактной записи: *vlicie*. Это не окончание *-ie* (как утверждается в некоторых учебниках), а две однобуквенные морфемы — которые мы дальше не редуцируем. Морфема *-i-*, как легко догадаться, состоит в родстве с показателем множественного числа, который мы обычно относим к окончаниям. Более того, можно заметить, что *-e* здесь тоже суффикс, выражающий семантику объемности, большой массы, совокупного количества; ср.: *вече*, *баяре*. Легко убедиться, что в произношении конечное [e] не редуцируется, не смешивается с [и]. Собственно окончание (как морфема) в именительном падеже этих слов нулевое (то есть, отсутствует). Ну, или можно считать, что окончания тоже лексически насыщены и могут нести полезную смысловую нагрузку. Однако по логике — семантика настоящих окончаний состоит в другом: они связывают части предложения, указывают на способ склейки, — подобно тому, как узкая или широкая медиаль определяет фонологический облик слога.

Раз уж мы заговорили об окончаниях, давайте к ним и перейдем.

Традиционно эта лексема пишется слитно с предыдущей. Однако по смыслу окончания вполне отделимы от основы: можно считать их пояснительными словами (послелогам), указывающими на обстоятельства употребления других слов (указание на способ склейки частей фразы). В любом случае, полная и редуцированная формы у окончаний есть. Поскольку же в большинстве случаев окончания в полной форме записываются одной буквой, редукция здесь оказывается эквивалентна опущению окончания — оно только подразумевается.

Например, при склонении существительных полные формы *-om*, *-ov*, *-ami* в слабой позиции превращаются в *-m*, *-v*, *-m'*. Спутать *шарм* и *шаром* (→ *sarm*) в контексте невозможно (хотя в произношении они запросто могут совпадать). Точно также, контекст легко разводит формы *шарам* и *срам* (→ *sram*) — и никакие огласовки тут не понадобятся. Но в русском языке есть еще и правила падежного управления. Поэтому, когда существительное идет в связке с глаголом, ему падежные окончания вообще могут быть не нужны: *я глажу кошку, и кошка мурлычет; включить в итог — иметь в итог*. Опускать излишнее в компактной записи — базовый принцип нашего правописания. Разумеется, во всем надо знать меру — и хоть немного заботиться о будущем читателе. Но возможность глубокой редукции — изначально заложена в языке.

Что же касается окончаний прилагательных (или причастий) — все зависит от способа употребления. Если прилагательное выступает само по себе, оно, по сути, играет роль существительного — и применимо все вышесказанное. В редуцированном написании окончания могут срастаться с предшествующим суффиксом и заменяться лигатурами: *zeleniy* → *zleny* (редукцию *-iy* → *-y* можно понимать и как редукцию суффикса). Однако прилагательное в собственном смысле слова — это расширение существительного, нечто вроде развернутого предлога, суффикса или послелога. Более того, роль модификатора может играть вставка любого рода — от абстрактного символа до развернутой фразы, а то и нескольких предложений. В некоторых случаях модификаторы-определения вполне допустимо не отделять от определяемого существительного и трактовать всю связку как составную лексему (что на письме допустимо

передать дефисом-разделителем). Система письма поддерживает такую возможность, разрешая глубокую редукцию окончаний:

	<i>krasn</i>	<i>sar</i>	<i>sri</i>	<i>komnta</i>	<i>komnti</i>	<i>dervo</i>	<i>drevya</i>	<i>cvtok</i>
	<i>krasn</i>	<i>sara</i>	<i>srov</i>	<i>komnti</i>	<i>komnt</i>	<i>derva</i>	<i>drevyev</i>	<i>cvtka</i>
	<i>krasn</i>	<i>saru</i>	<i>sram</i>	<i>komnte</i>	<i>komntm</i>	<i>dervu</i>	<i>drevyam</i>	<i>cvtku</i>
	<i>krasn</i>	<i>sar</i>	<i>sri</i>	<i>komntu</i>	<i>komnti</i>	<i>dervo</i>	<i>drevya</i>	<i>cvtok</i>
	<i>krasn</i>	<i>sarm</i>	<i>srami</i>	<i>komnty</i>	<i>komntmi</i>	<i>dervm</i>	<i>drevymi</i>	<i>cvtkom</i>
o	<i>krasn</i>	<i>sare</i>	<i>srax</i>	<i>komnte</i>	<i>komntx</i>	<i>derve</i>	<i>drevyx</i>	<i>cvtke</i>

Легко видеть, что выписывание окончаний у прилагательных в данном случае ничего нового не добавляет — даже если окончания существительных редуцированы. Явное указание окончаний в данном случае играет роль огласовки. Поэтому запись типа *krasn-dar* или *krasndar* имеет право на существование, даже с учетом возможной двусмысленности: *красен-дар*, *краснодар* (последний, впрочем, нормально запишется как *krsndar*).

Отметим, что ударные окончания, как правило, отображаются на письме — как в последнем столбце. В частности, даже в связке с существительным, мы можем выписать полную форму окончания у прилагательного, если на это окончание падает интонационное ударение: *godī mldie*; ср.: *vspomnt' mld god*. Восстановление окончаний прилагательных на письме, как правило, ограничивается редуцированной формой: *o sare*, *o krasnm zmolvt slov*... Только в особых случаях мы напишем полностью: *krasniy*, *krasn.va*, *krasnim*, *krasn.mu*. Использование архаичных полных форм (типа *krasnogo*) не рекомендуется (если, конечно, не требуется намеренно ввести нотку архаики или пародии); в обычной речи такая «орфография» давно уже ничем не мотивирована.

Окончания наречий, в принципе, тоже можно опускать, если это не приводит к двусмысленности (или если двусмысленность — именно то, чего мы добиваемся). В качестве графической нормы я бы предложил универсальный принцип: у наречий редуцированная форма окончания совпадает с полной. Тогда *krsiv* — это прилагательное (полное или сокращенное), а *krsivo* — однозначное наречие (хотя вместо полного [o] здесь редуцированное чтение [ə]). Прочему? Да потому что это вовсе не окончание, а часть основы, своего рода суффикс, модификатор. Основа прилагательного — *красивъ*; отсюда *красивъй*, *красивья*, *красивье*... Основа наречия — *красиво*. Редукция суффикса возможна — однако лишь в ограниченных масштабах, в безопасном окружении. Мы можем расширять основу и дальше — и тогда редукция этого конкретно элемента станет вполне естественной: *krsivst*.

Разумеется, автор вовсе не обязан озадачиваться формалистическими изысканиями — достаточно представления о том, что хочется поведать, и с какой интонацией. Точно так же, не предполагается никаких добавочных ограничений на написание местоимений (которые ведут себя как имена, и следуют тем же правилам). Можно рекомендовать написание *ona*, *ono*, *oni* — ради устранения (гипотетически возможной) путаницы с *na*, *no*, *ni*. Но вполне допустимо редуцированное написание: *k nmu*, *t nvo*; *et sto? sto s etv?* Это и в точности соответствует реальному произношению, и не мешает воспринимать грамматику.

Запись *sto* и *cto* (= *tsto*) будем считать равнозначными вариантами одного и того же. С точки зрения единообразия, следовало взять за основу второй вариант: *cto*, *cvo*, *k cemū*, *o cem*... Но никто не запрещает иметь много альтернатив и выбирать наиболее подходящее решение. Точно так же, мы можем свободно отображать на письме диалектные особенности, изменяя написание слов, — но можно их и не отображать, допуская, что одно и то же сочетание букв в разных ситуациях будут читать по-разному. Например, в кириллице *-чн-* раньше могло читаться по-питерски (как написано) — или по-московски (как [шн]). В последнее время северный вариант почти начисто вытеснил столичного конкурента — но мы вполне можем где-то написать: *bulsnya*, *pdsvesnk* — наряду с обычными (регулярными) формами: *bulcnya*, *pdsvecnk*.

Как и с прилагательными, сразу отказываемся от архаичной записи местоимений: *ego*, *etogo*, *kotorogo* → *evo* (или просто *vo*), *etv*, *ktorv*. Этот принцип распространяется на все части речи, включая служебные слова и междометия: *musin*, *aprat*, *bugaltr*, *zdras* или *zdrst*...

Спряжение глаголов, как и все остальное, может быть графически представлено в сильной позиции и редуцировано в слабой:

<i>ya</i>	<i>idu</i>	<i>vizu</i>	<i>znau</i>	<i>misl</i>	<i>mi</i>	<i>idem</i>	<i>vid.m</i>	<i>zna.m</i>	<i>misl.m</i>
<i>ti</i>	<i>ides</i>	<i>vid.s</i>	<i>zna.s</i>	<i>misl.s</i>	<i>vi</i>	<i>idete</i>	<i>vid.te</i>	<i>zna.te</i>	<i>misl.te</i>
<i>on, ona, ono</i>	<i>idet</i>	<i>vid.t</i>	<i>zna.t</i>	<i>misl.t</i>	<i>oni</i>	<i>idut</i>	<i>vidat</i>	<i>znaut</i>	<i>misl.t</i>

<i>ya</i>	<i>idu</i>	<i>viz</i>	<i>zna</i>	<i>misl</i>	<i>mi</i>	<i>idem</i>	<i>vidm</i>	<i>znam</i>	<i>mislm</i>
<i>ti</i>	<i>ides</i>	<i>vids</i>	<i>znas</i>	<i>misl</i>	<i>vi</i>	<i>idet</i>	<i>vidt</i>	<i>znat</i>	<i>misl</i>
<i>on, ona, ono</i>	<i>idet</i>	<i>vidt</i>	<i>znat</i>	<i>misl</i>	<i>oni</i>	<i>idut</i>	<i>vidt</i>	<i>znat</i>	<i>misl</i>

<i>ya</i>	<i>idu</i>	<i>viz</i>	<i>zna</i>	<i>misl</i>	<i>mi</i>	<i>idem</i>	<i>vid</i>	<i>zna</i>	<i>misl</i>
<i>ti</i>	<i>ides</i>	<i>vid</i>	<i>zna</i>	<i>misl</i>	<i>vi</i>	<i>idet</i>	<i>vid</i>	<i>zna</i>	<i>misl</i>
<i>on, ona, ono</i>	<i>idet</i>	<i>vid</i>	<i>zna</i>	<i>misl</i>	<i>oni</i>	<i>idut</i>	<i>vid</i>	<i>zna</i>	<i>misl</i>

Последняя таблица — пример глубокой редукции, которая вполне возможна, если глагол употребляется с личным местоимением — и нужные окончания восстанавливаются по контексту.

Гласные в окончаниях глаголов могут восстанавливаться неоднозначно. С точки зрения живой речи, совершенно все равно: *vidat* или *vidut*, *misl* или *mislut*. В реальности нет ни того, ни другого — а есть редуцированный звук, который при желании можно считать и тем, и другим. Подчеркнутое интонирование окончания возможно в любой из форм — как требует речевая ситуация.

В контексте разные форма глагола обычно различаются без проблем: в редукции *znat* мы вряд ли спутаем *znat'*, *zna.t* или *zna.te*. Однако при использовании универсальных графем для основы бывает полезно все же не редуцировать окончания до конца и закрепить за окончанием инфинитива стандартную форму *-t'*, которая соответствует в кириллице одинаково *-ть* и *-чь*: *xotet' → xtet'*, *moch' → mot'* (при сохранении фонетического варианта: *moc'*). До конца устранить чередования согласных в графике мы все равно *n smozm* — но хотя бы немного поиграем в универсальность. Pourquoi pas?

Возвратность в русском языке исторически возложена на неизменяемую частицу *ся*, которую приклеивают к глаголу в соответствующей форме. На самом деле это просто редукция от *себя* — и кое-где даже пишут отдельно. Частица *ся* обычно редуцируется в *сь* — и в латинице никакой гласной тут не требуется: *ono vidts*, *vi mislts*, *emu idets*, *ya idus*. Если это оправданно контекстом, мы имеем право заменить сочетание *ts* обычной лигатурой: *vidc*, *idec*.

Синтаксис

Приведенных примеров достаточно, чтобы дать общее представление о принципах написания типовых лексем. Дальше — берем любой справочник по кириллической орфографии и переделываем все правила, допуская редукцию, многовариантность и право автора на индивидуальную интонацию...

Теперь несколько замечаний для продвинутых — для тех, кто интересуется не только возможностями, но также историей и логикой.

До сих пор речь шла исключительно об интонационно-лексической иерархии. Для практики письменной речи это важнее всего. Однако грамотно составленный текст учитывает не только структуру совместной деятельности — но и строение языка, его самоценное бытие в качестве культурного достояния. Именно в этом качестве язык выражает глубинное строение субъекта, его мышление и самосознание. Разумеется, столь обширная тема не вписывается в рамки простого мысленного эксперимента по переводу русского языка на латиницу. Но несколько намеков дать все же хотелось бы.

Наряду с интонационной, в каждом тексте присутствует еще и тематическая иерархия — это другой способ развертывания того же целого. В естественных языках почти нет формальных средств для выстраивания этой иерархической структуры. Передают ее особой организацией текста — а в рефлексии она пока представлена только синтаксическими теориями.

Логически, общение начинается с объективно формирующегося предмета, общественно-культурной необходимости. Это главная тема, суть дела. Она может совпадать с мотивацией деятельности — но может и логически предшествовать ей: люди участвуют в чем-то по очень разным мотивам.

Логика дела требует соответствующей организации общения. В зависимости от методов и средств, текст приобретает характерную стилистическую окраску. Художественные, научные, бытовые тексты устроены по-разному — хотя в любом из них возникает все та же интонационно-лексическая иерархия. В нейтральной речи принято представлять логику группами предложений (абзацы, разделы, главы, тематические статьи и т. д.). На этом уровне границы логических и интонационных членений совпадают. Это не всегда так: бывают тексты другого рода, где логика лишь отчасти представлена оформлением.

Предложения в пределах абзаца взаимосвязаны — однако в каком-то приближении можно считать, что каждое из них передает один их аспектов темы абзаца. Точно так же, интонации внутри предложения (фразовое членение) могут быть связаны с тематической организацией. Здесь, правда несовпадений значительно больше — но формальные теории это, как правило игнорируют, чтобы зацепить хотя бы крохотный кусочек культурной универсальности языка. Тут-то и появляются теоретически выделенные члены предложения, представленные фразовыми (лексико-синтаксическими) группами. К делению на синтагмы и лексемы это имеет весьма отдаленное отношение. Но если очень постараться, какие-то соответствия соблюсти можно.

Например, грамматика русского языка формально выделяет группы подлежащего, сказуемого и (прямого) дополнения. При этом оговаривают, что подлежащее вовсе не обязательно указывать на реальный источник действия — это сугубо формальный субъект; точно так же, дополнение не всегда указывает на объект, а сказуемое — на реально происходящее. Почему так? Да потому что развертывается синтаксическая иерархия в соответствии логикой темы, а не из каких-то внеречевых соображений. Сама возможность выделить синтаксические структуры задает общих для всех речевых актов культурный «надтекст»; выбор тех или иных конкретных реализаций — дело сугубо практическое. Зависит это не только от сиюминутного настроения, но и от того, как развертывалось общение раньше, чего уже удалось достичь. Строение абзаца влияет на строение входящих в него предложений. Но разбиение на абзацы тоже отнюдь не случайно, и в конечном итоге мы приходим к историко-культурным основаниям каждого конкретного выбора. Переформулировка предложения — вызывает пересмотр абзацев, и так далее, вплоть до текста в целом и корпуса текстов. Определившись с подлежащим и сказуемым, мы можем заняться их лексическим представлением, подбирая подходящие по случаю части речи: имена, глаголы, наречия... А когда этот этап близок к завершению — надо решать, как склеивать части речи в целое, удовлетворительным образом согласующееся с вышележащими уровнями логики. Тут-то и становятся лексемы то словами, то морфемами, то еще чем-нибудь...

Еще раз: этого нет в изолированном тексте, взятом вне истории и строения культуры, безотносительно к месту речения в историко-культурном процессе. Мы можем отчасти понять тексты на других языках или артефакты прошлых веков. Возможно это лишь поскольку наша культура содержит нечто родственное — средства, которыми наш язык пересказывает сказанное на другом языке. С одной стороны, это означает, что всякое понимание неполно, и неизбежны искажения... Но, если на то пошло, здесь исток творческого обогащения всякой обыденности, насыщения текста тем, чего в нем ранее никто и не подозревал. Просто переписывая нечто другому, помещая его в другой речевой контекст и меняя акценты, удается выявить неожиданные стороны, казалось бы, давно устоявшегося и банального. Пересмотр системы письма — одна из возможностей пересоздания языка, изменения образа мысли.

Формальные аспекты развертывания тематической иерархии (синтаксис) в латинице неизбежно будут меняться по сравнению с нынешними грамматическими представлениями, складывающимися под влиянием кириллицы. Но произойдет это не сразу, а лишь после долгого и непростого переходного периода, в течение которого неудобства новой письменности понемногу перерастут в ее достоинства, — и Золушка станет принцессой. И мы будем удивляться странным искусственным конструкциям, которые наш предки громоздили ради какой-то никому не нужной «правильности» — вместо осознанности и свободы творчества.

Резюме

Ну вот, мы попробовали, поиграли, — и пора подводить итоги.

Прежде всего, становится совершенно ясно, что переход на латинскую графику для русского языка ни в коем случае не сводится к формальным манипуляциям: он затрагивает все стороны языка и требует творческих решений по каждой из, вроде бы, привычных мелочей. Нельзя ввести новую орфографию начальственным декретом: народ все равно приспособит латиницу к своим практическим потребностям, включая те, которые мы сейчас никак не можем предвидеть и предусмотреть.

Тем не менее, оказывается, что предложить отвечающее сформулированным десяти принципам решение вполне возможно, и оно достаточно просто, по-своему удобно и практично, допускает многообразные расширения, и может развиваться в соответствии со своей внутренней логикой. Свободная от чрезмерной зарегулированности латиница способна передать все особенности современного русского языка, включая фонологическую вариативность, фиксацию любых грамматических структур, передачу тонких интонационных оттенков. В рамках этой системы открываются новые творческие горизонты, и возможны любые культурные новации. Пусть все это останется лишь в теории — иллюстрация фундаментальных (хотя не всегда очевидных) принципов построения систем письма тоже кое-чего стоит!

В какой-то мере замены одной системы письма другой — это изучение нового языка. Пусть даже близко родственного — но со своими премудростями и непривычной идиоматикой. Здесь я пишу кириллицей и придерживаюсь традиционной орфографии (советского образца). Вздумай я написать то же самое на изобретенной мной латинице — это выглядело бы иначе, и понять меня было бы труднее. Не потому, что закорючки непривычные — а потому что мысль неизбежно текла бы по-другому.

Чисто гипотетически: допустим, какая-то часть носителей русского языка освоит предложенную здесь (или какую-то еще) латиницу и станет использовать ее в повседневной письменной речи. Что получится? С одной стороны, кое-то мы потеряем. Уйдут огромные пласты языковой архаики, восприятие хрестоматийной классики неизбежно будет другим — возможно, более поверхностным. Но, положив руку на сердце, признаемся себе: такое изменение восприятия все равно идет, и наши современники читают старых авторов не так, как раньше, а молодое поколение видит в них вообще не то, о чем мы думаем. Процесс этот набирает обороты: десяток лет — и язык уж другой, и искусства безнадежно устарели... Так почему бы не попробовать, не сделать графику более рациональной и в чем-то приближенной к стандартам международного общения? На практике приходится то и дело смешивать русские и нерусские тексты — и как же надоедают досадные крякозябры из-за неправильно выбранной раскладки!

Для ищущих чего-то возвышенного — новые выразительные возможности, расширение круга ассоциаций, ускоренное взаимопроникновение разных языковых культур. Играть словами в латинице отнюдь не сложнее, а полет мысли от алфавита не зависит. В любом случае, что-то куда-то сдвинется, откроются тысячи дорог — и станет интереснее жить.